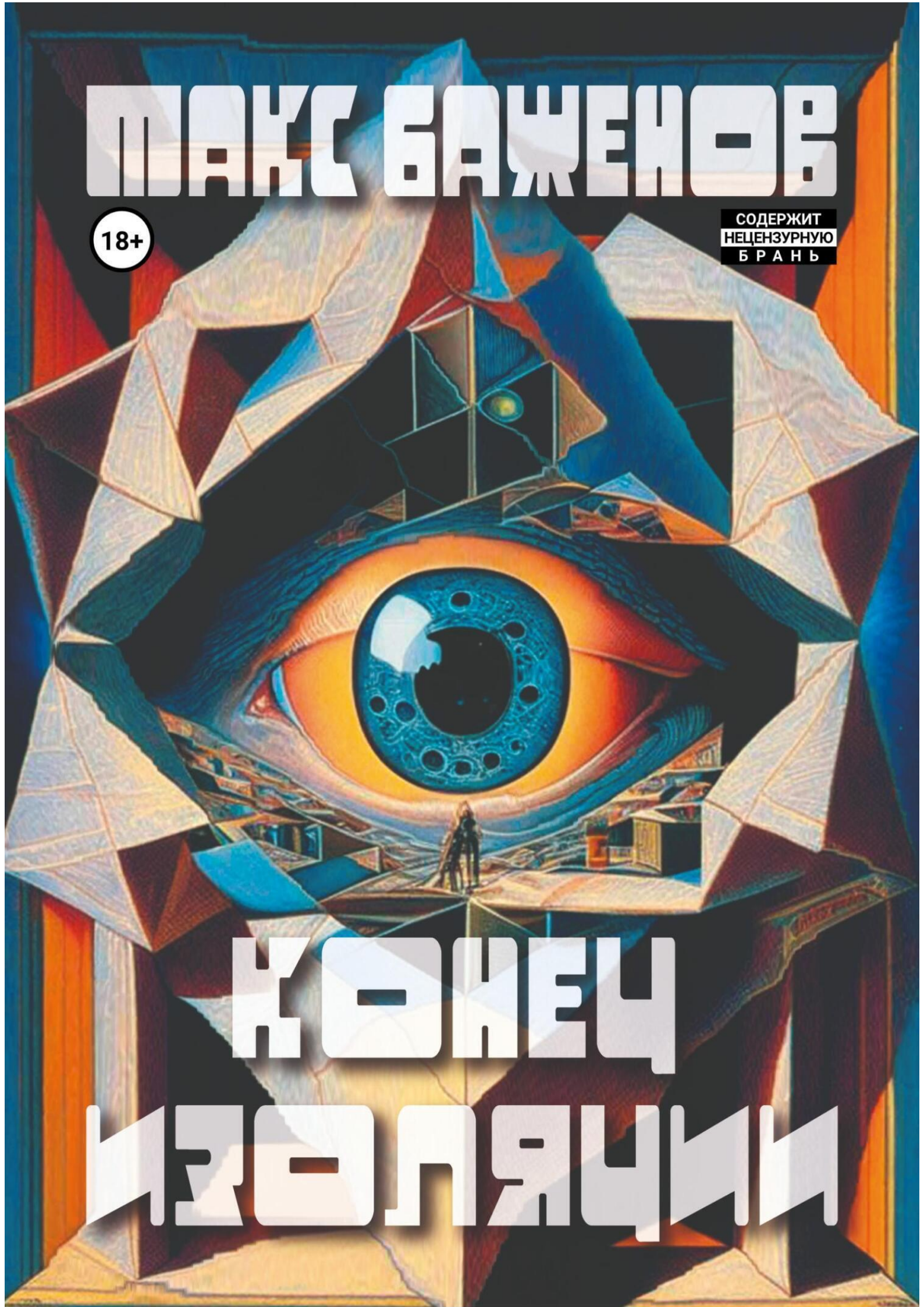

МАКС БАЖЕНОВ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КОНЕЦ ИЗОЛЯЦИИ

Макс Баженов

Конец изоляции

«Автор»

2023

Баженов М.

Конец изоляции / М. Баженов — «Автор», 2023

Это фантазия о технологиях роевого интеллекта. История о том, как бытие формирует сознание. Боевик про побег из тюрьмы разума. Это роман про адаптацию человека к обществу и меняющейся действительности. Притча о взрослении и исходе - каждого из людей и всего человечества. Это хулиганский биопанк в мире усиленных контрастов. Обложка изготовлена при помощи нейросети Kandinsky 2.2 и доработана человеком.

© Баженов М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Макс Баженов

Конец изоляции

Начало всего – это его границы.

Пролог

«Главное – оставаться человеком!»

(кредо БЧП)

###

Их было шестеро. Они были пьяны от той бурды, что выменяли у владельца контрабандного фабрикатора. Не вдребезги, но достаточно для того, чтобы расчеловечивать жертв грабежа за пару вдохов и выдохов.

– Чех! – крикнул тот, что был в кожаной куртке с капюшоном. – Вон там.

Над лесом в долине струился одинокий дымок от костра. Казалось, он тянулся прямо к "Пионеру", висевшему в небе над планетой печальным напоминанием о крахе лучшего мира.

– Пошли, мля! – сказал Чехман.

Дорога, или то, что ей по случаю оказалось, была слякотной. После дождя опавшие листья липли к подошвам. Скоро ботинки обросли грязью, и ноги совсем увязли в серо-коричневой жиже. Сороки и сойки, завидев бандитов, испуганно прыгали с веток и проносились у них над головами с криками, лишёнными всякой приятности.

– А звери тут водятся? – спросил Шмель.

– Не, – сказал Миха.

– Слишком близко к Термитнику, – поддакнул Шкобарь, снимая капюшон, и озираясь, будто надеялся увидеть Москву сквозь густой лес.

– А фуражира? – помедлив, спросил Шмель, после чего потерял рваную мочку уха и добавил:

– Вообще, Ветеран не советует туда ходить в это время. Говорит, можно и пизды получить.

Чехман остановился, и вместе с ним встали остальные. Ему не понравились эти настроения. Побеждаешь, только когда прёшь напролом! Он окинул свой мародёрский отряд взглядом, полным презрения, и сказал, чуть понизив тон:

– А там чё, мля, залежи пизды?

Бандиты загготали как стая голодных гиен.

– Ежели так, Чех, то пошли!

– Тихо, мля! – гаркнул Чехман. – У твоего Ветерана яйца усохли. Те сказано сделать – иди и делай, понял? У Петрова с постами всё чики-пики, мля. Граница проходит по дальней кромке леса. Здесь, – он показал пальцем на землю, – мы главные! Мы не какая-то шпана, понятно тебе? А если ссышь, то пиздуй отсюдова сразу, мля.

– Базаришь! – выдохнули остальные.

– БЧП!

– Бэчепэ!

От его жизнеутверждающей тирады все почувствовали себя лучше. Это ему понравилось. Боевой дух любого отряда следует поддерживать. Лидер должен вовремя подкидывать дрова

в пожар человеческого самолюбия, иначе пламя перекинется на него самого. Чехман понимал эту мысль чисто органически.

Им потребовался ещё час сложного перехода. Все они вспотели и протрезвели. Осенний ветер пробивался сквозь их одежду. У Шкобаря громко стучали зубы. То и время кто-то ругался себе под нос.

Наконец мародёры смогли вблизи разглядеть тех, кто по глупости своей развёл костёр в буферном лесу.

– Сучий старикан! – сказал Чехман, оскалившись. – Попался!

Вожак убрал бинокль в сумку.

– Подойдем с трёх сторон. Алло, сюда смотрите, черти, мля! Они по-любому вооружены. Мамаша его – ценный кадр, мля. Петров сказал брать её живьём, шныря, по возможности, тоже. Смотрите в оба! Косой, Миха – обойдите слева. Я и Шмель идём в лоб. Кислый и Шкобарь – направо. Идите, мы подождём, пока вы встанете на места. По сигналу берём их в кольцо. Ещё раз. Деда в расход, он, сука, охуевший тип. Пшено в плен. Бабу не пораньте! В остальном всё как обычно, мля.

Группа разделилась.

– А что в ней особенного? – спросил Шмель.

– Ты жопой слушал вчера ночью, что ли?

– Своей херни хватает, Чех...

– Да просто ты чмошник одичалый, мля. Слушать надо на собраниях, сколько можно говорить? Ебанас!

Помолчали.

Чехман, не меняя положения, достал хозяйство и справил малую нужду.

– Что там внутри? – вдруг почти философски спросил Шмель, глядя в сторону полиса.

– Ты идиот? – застёгивая штаны, поинтересовался Чехман.

– Я с Пустошей, – ответил Шмель.

Главарь посмотрел на подручного, как на грязь. Как давно он знал Шмеля? Полгода, может?

– Решил попробовать сдристнуть к постам?

– Ой, не неси хуйни...

Ещё пять минут они стояли, молча вглядываясь в лес, а потом тишину снова нарушил шёпот Шмеля:

– А ты знаешь кого-то, кто был там?

– Из Москвы не возвращаются, дружок, – ответил Чехман и обнажил зубы в злобной ухмылке – части их не хватало. – По крайней мере, не людьми, мля. Тебе твой Ветеран любимый этого не говорил?

– Говорил... Ну мало ли...

– А как я убил фуражира, он тебе рассказал? – похвастался вдруг Чехман.

– Да ты гонишь!

– Так, заткнись! Парни уже на местах.

Он нажал какую-то кнопку на коме и махнул Шмелю: "Пошли, мля!"

Мародёры взяли оружие на изготовку. У Чехмана был дробовик и парализатор, Шмель ходил с двадцатизарядным пистолетом. Место для лагеря беглецы выбрали удачное, подойти бесшумно было почти невозможно. Не успели они одолеть и ста метров по сушняку, как услышали крик:

– Стой! Кто идёт? Назовись!

– Мы ищем дорогу в полис, – приторно процедил Чехман.

– Бросайте оружие! Вы у меня на мушке, оба! – голос принадлежал молодому человеку. Он источал уверенность, но была в нём и истерическая нотка, выдавшая, что уверенность была напускная.

– Мы не причиним тебе вреда, пацан! – сказал мародёр, рассчитывая, что поделщики скоро найдут несчастным в спину.

Раздался громкий хлопок, затем ещё два. Стреляли из парализатора, значит, Миха.

Шмель удивлённо повернул голову в сторону звука и тут же лишился верхней её половины – его череп разрубило прямо между челюстями.

Слишком длинный язык беспомощно торчал из горла и болтался, разбрызгивая алую кровь. Тело упало назад, не меняя позы, как каменная статуя.

Матерясь, Чехман прыгнул за ближайшее дерево. Он решил обойти стоянку чуть сбоку. За деревьями были слышны выстрелы, а затем крики – такие, как будто резали крупное животное.

Опять прогремели выстрелы. В какой-то момент он понял, что узнаёт звук оружия.

МПУ. Внутри у него похолодело. Это фуражир!

Продираясь через кусты, бандит вдруг видит, как боевой киборг постов, облачённый в чёрный бронекостюм, разрубает пополам Шкобаря полимерным мечом. Выполнив своё дело, оружие теряет форму и снова становится частью костюма.

Слышно ещё один хлопок, и пост скрывается за деревьями.

– Пиздец, пиздец, пиздец, – бормочет Чехман, двигаясь в противоположную сторону.

Каким-то чудом его потеряли из вида. Он отошёл достаточно далеко, чтобы выдохнуть, когда увидел притаившуюся за кустами женщину. Она убежала из лагеря, когда началась паника.

Чехман достал парализатор и выстрелил ей прямо в шею. Девка и пикнуть не успела. Похититель достал из рюкзака термооптический камуфляж – подгон от самого Михалыча – накрыл себя вместе с жертвой и стал ждать, пока всё утихнет.

Пацанов жалко, но главное он сделал. Петров будет доволен.

Глава 1

«Мал золотник, да дорог»

(народная мудрость)

###

Она проснулась в кромешной тьме от того, что голова её билась о что-то твёрдое. Был слышен шум электромотора.

Куда-то едем, поняла Надя. Значит её похитил богатый клан. Плохо дело...

Кажется, она отлежала руку. Пошевелиться не получалось. Она рывком сдвинулась чуть левее, сильно ударила головой, которая и без того раскалывалась; зато восстановила приток крови к руке.

Следующие минуты были преисполнены тошнотворного удовольствия от обретения чувствительности. Тысячи игл возникли на изнанке кожи, и любая попытка напряжения мышц руки на мгновение отключала сознание, настолько сильным было это ощущение. Не боль, но и не что-то другое.

Отмучавшись, она попыталась вспомнить, что же случилось. События прошлого дня всплыли как будто из другой жизни.

На их лагерь напали! Она струсила и убежала, бросив сына и Виталию, чтобы спрятаться. А потом... Надя вдруг ощутила знакомый горький привкус во рту. Парализатор. Тут она вспомнила, что в лесу слышала стрельбу и другие, более страшные вещи... Мои выжили? Или?..

Мы были так близко к цели! От злости и обиды Надя расплакалась. Годы подготовки коту под хвост. Сволочи! Вся жизнь под откос из-за каких-то отморозков. Как же она их всех ненавидела! Узурпаторы чёртовы! Хозяева помойки.

Она закричала, что было сил, колотя связанными ногами стенки своей тюрьмы. Через минуту машина остановилась. Внезапная яркая вспышка света ослепила её.

– Очнулась, мля! – услышала она хриплый голос. – Заткнись, пока я не оторвал тебе голову, нахуй! Между прочим, я заебался тя тащить. Где благодарность? М?

Надя почувствовала тычок в бок и попробовала открыть глаза. Она лежала в багажнике, а сверху на неё смотрел этот ублюдок.

– А, это ты, мразь! – сказала она, узнав в нём самого одиозного члена БЧП. – Ничего ты мне не сделаешь, а отвезёшь своему начальнику, как миленький!

Чехман прорычал что-то нечленораздельное и захлопнул крышку. Автомобиль тронулся и снова начало трясти. Тело Нади превратилось в один сплошной эпицентр боли. Живот крутило, хотелось в туалет, одни мышцы затекли, другие сводили периодические судороги. О сне не могло быть и речи. Большую часть пути Надя рыдала и не могла успокоиться. Слезы хоть чуть-чуть отвлекали от физической боли. Под конец поездки её начали сводить с ума голод и жажда, и она уже подыскивала способ уйти из жизни, но так ничего и не придумала.

Они ехали весь день. Потом её вытащили из багажника как мешок с картошкой. Стемнело. Она успела осмотреться и узнала это место.

Борисовка. Крупное поселение домов на семьдесят. Она была здесь однажды, ещё когда был жив Коля. Здесь на протяжении семи поколений жили и правили Петровы – семья, члены которой передавали власть над губернией по наследству.

Север жил богаче других подмосковных земель. После резни, которую учинили посты тридцать лет назад, власть всё равно осталась за Петровыми – и даже укрепилась. В самый ответственный момент они отказались участвовать в абсурдном набеге на Москву, за что их не только пощадили, но и дали им некую степень автономии при соблюдении определённых

условий, которые поставили в Москве. Петровы активно следили за выполнением этих условий, а также за тем, чтобы никому, кроме них, эта роль не дай бог не досталась.

Надю положили на диван в сенях, и она громко застонала.

– Заткнись! – сказал Чехман. – Детей разбудишь, овца, мля!

Он взял какую-то тряпку и пошёл к ней. Надя догадалась, что он хочет сделать кляп, и сказала негромко:

– Дай попить.

– Это ещё что такое?! – вдруг услышала она глубокий баритон откуда-то из коридора. – Слава, позови-ка Марьяну и Алишера, а сам вали с глаз долой! Давай-давай! Доложишь мне с утра, после завтрака.

Чехман хмуро кивнул и исчез за дверью.

Надя не знала нынешнего главу семьи лично. Говорят, именно он науськал Грабовского сдать Колю по́стам, поэтому она старалась держаться от его владений подальше. Она бы ни за что не вернулась сюда, если бы буферный лес не прилегал к территориям его клана. За эти десять лет, Надя слышала слишком много историй, которые не оставляли сомнений в том, что Петров – жестокий и расчётливый барин. Он казнил и миловал, исходя из своих личных соображений, и никто не мог ему возразить.

Борис Петров оказался невысоким пожилым человеком с идеальной осанкой. Он был одет в синий махровый халат и мягкие домашние тапочки, тоже синие. Его седеющие волосы были небрежно зачёсаны налево. Острые черты лица делали его похожим на каменную статую, но стоило посмотреть ему в глаза, как это ощущение пропадало, и перед Надей тут же возникал живой и деятельный образ. Три морщины глубоко прорезали его высокий лоб и выдавали в нем человека, склонного к длительным и мрачным размышлениям.

Надя ожидала увидеть нечто совершенно иное – как минимум жирного и самодовольного ублюдка, типа Чехмана, но только ещё жирнее и более злобного. Он не оправдал её ожиданий и тем, что сказал:

– Слава явно сделал больше, чем его просили. Его накажут. Сейчас придёт Марьяна, развяжет тебя, вымоет, накормит и положит спать, а Алишер присмотрит за тем, чтобы всё прошло спокойно. А потом мы поговорим.

– Пить! – прохрипела Надя.

Петров принёс ей стакан воды и помог напиться, не развязывая.

– Развяжи меня! Мне надо в туалет!

– Э-э, нет, дорогуша, этого я не сделаю! – сказал Петров, ставя стакан на стол. – Можешь, конечно, сходить под себя, но я бы на твоём месте дождался Марьяны. Потерпи чуток.

– Развяжи, я не буду сопротивляться.

Петров рассмеялся.

– Если бы я был таким идиотом, то не дожил бы до своих лет, – сказал он. – Я же вижу, что ребята обошлись с тобой нехорошо. Но я припас для тебя кое-что более подходящее твоему уровню. Позволь мне сначала искупить вину, а уж после этого мы обсудим необходимость твоего сопротивления. А вот и она!

– Хозяин, – сказала Марьяна, расшаркавшись. – Звали?

– Да, солнце! – сказал Петров. – Помоги бабе сходить в туалет. Развяжи, вымой, напои и накорми. Выдели комнату для гостей наверху, ту, что без окон, постели чистое бельё, и размести нашу гостью там. Дверь на ключ. Ключ – мне лично.

При слове "гостья", Марьяна быстренько смерила Надю взглядом, легко обнаружив между её состоянием и словом "гостья" если не противоречие, то сильный контраст.

– Где Шер? – спросил Петров.

– Снаружи, – склонив голову в белой косынке, сказала служанка.

– Ну? И чего ждём?

Она суетливо кивнула и приступила к своим обязанностям.

###

Когда Надя проснулась, голова всё ещё болела. В целом она чувствовала себя несравнимо лучше, чем вчера, но любое движение давалось ей с трудом и отдавалось резкой болью в мышцах. На лбу набухла шишка, шея чесалась в том месте, куда попала игла парализатора.

Она осмотрелась при свете единственной лампы накаливания. На стене висел портрет Петрова Первого – основателя династии. Изба была сколочена на славу. Крупные брёвна лежали вплотную друг к другу и источали лёгкий хвойный аромат. "Что ж, – это лучше, чем багажник", – заключила Надя.

На завтрак ей принесли салат из моркови со сметаной, тушёную картошку с овощами и капустой, кусок свежего ржаного хлеба и иван-чай. Из приборов была только деревянная ложка. Она поела с большим удовольствием, отмечая про себя, что давно не пробовала такой вкусной еды.

Петров пришёл сразу после того, как Марьяна забрала у Нади посуду. Когда дверь открылась, пленница привстала.

– Не вставай, – сказал барин. В руках он держал древний пистолет. – Тебе нужно отдохнуть, а нам нужно поговорить.

Надя вернулась на кровать, сложила руки на груди и удостоила его самого злобного взгляда, на который только была способна.

Петров был одет по-простому, без излишеств – сапоги, штаны из грубой ткани, рубаха, да жилетка; но при этом носил на шее золотой амулет, изображающий ревущего медведя, стоящего на задних лапах – символ его власти.

– Что тебе от меня нужно? – спросила Надя, оставив слово "урод" за скобками.

– Мне нужна твоя помощь, – спокойно сказал Петров.

– С чего это я должна тебе помогать? Вы, сволочи, забрали меня у моей семьи! Я даже не знаю, что теперь с ними! – говоря это, она сжала покрывало так сильно, что на кулаках побелели костяшки.

– Мне жаль это тебе говорить, но все они погибли. Когда мои люди нашли вас, в лагерь ворвался фуражир и уничтожил всех. Тебе повезло, что Славе и в этот раз не изменил его особый талант к выживанию.

– Я тебе не верю! – гаркнула Надя. – Пóсты так не работают!

– Ой, ли? – спросил Петров. – Тридцать лет назад, когда я был ещё пацаном, я видел совсем другое.

На самом деле, Надя обдумывала такой сценарий. Она увидела фуражира и поэтому убежала. Наверное, инстинкт сработал не просто так. Эти суперлюди очень опасны. Но по её наблюдениям они не были склонны к агрессии ради агрессии. Если фуражир и убил Стаса и Виталию, то только потому что не признал в них мирных иммигрантов.

– По сути, Слава спас тебе жизнь, – заключил Петров.

– Спас мне жизнь?! – взорвалась Надя, не выпуская однако из вида пистолет в руках барина. – Твои отморозки и стали причиной нападения фуражира!

Хозяин пожал плечами и сказал:

– Даже если так, они заплатили за это жизнью. Всех их, кроме Славы, разрубил в мелкую капусту киборг-убийца, – Петров горько усмехнулся. – Наверное, не этого ты ждала, когда рискнула воспользоваться окном иммиграции? Я и сам потерял дочь несколько месяцев назад. Пропала без вести... Уже и не надеюсь... А ну-ка, сядь! Хорошо. Не будем усложнять и без того сложную ситуацию. Как я, например, объясню семьям моих бойцов, что они погибли, спасая тебя из лап пóстов? Тебе придётся отработать наше вложение и доказать людям, что ты особенная.

– Ни хрена я не буду для вас делать! – отрезала Надя.

Барин пожал плечами и сказал:

– И почему сразу такое отрицание своей общественной функции? Я же не прошу тебя вкалывать на полях – для этого существуют крестьяне. Мне нужно...

– Я знаю, что тебе нужно!

– Да?! – вскинув брови, спросил Петров. – Расскажи, не держи в себе.

Надя кивнула на пистолет.

– Тебе нужно, чтобы я сделала для тебя оружие.

Казалось, барин был разочарован ответом.

– Зачем? – спросил он. – У меня есть оружие. Целый армейский склад. Вполне достаточное количество, чтобы не иметь естественных врагов, как считаешь?

– Кроме постов, – сказала Надя.

– А они мне не враги, – сказал Петров. – Они – обстоятельство, с которым нам, нормальным людям, приходится иметь дело. Когда мой отец заключал с ними договор, он не шёл против совести. Их невозможно победить. Только идеалисты-дети думают, что могут что-то противопоставить Москве. Я не из их числа. Я прекрасно понимал, что делает мой отец и почему. Эти существа уже не люди. У них свой путь. А у нас иной путь.

– Как удобно устроился! Одной рукой кляузничаешь на постов, а другой – кормишься с их подачек!

Петров и бровью не повёл в ответ на эту провокацию.

– Мы должны адаптироваться и выжимать из земли, что у нас под ногами, максимум пользы, только чтобы выжить. И потом, подачки, как ты их назвала, то есть продукты первой необходимости, которые мы получаем в день грузов, расхолаживают народ. В результате ремёсла не развиваются, урожаи плохие, а количество людей, покидающих свои фермы растёт. Чаще всего они становятся бандитами, если не примыкают к нам.

– А вы, типа, не бандиты?

– Мы – официальная власть, – сказал барин, и Надя заметила, что для него очень важно, чтобы эти слова были правдой. – Власть имеет монополию на насилие. Любой, кто прибегает к насилию, не являясь при этом представителем власти – бандит.

– И что же, значит любое насилие со стороны власти законно?

– А ты быстро схватываешь! – широко улыбнувшись, отвечивал Петров. – Но не будем больше о насилии. С этим у нас и так полный порядок. Нам нужна помощь иного рода.

Надя промолчала, и Петров счёл это предложением продолжить.

– Я же говорю. Техника ломается. Поля стоят не вспаханные, оборудование на свечной фабрике выходит из строя, мы разучились делать хорошие вещи..., – Петров резко выдохнул воздух носом. – Нужно плести сети, делать удобрения, чинить старые машины и производственные линии, столько всего, что и не перечислить.

Называя проблемы, барин размахивал пистолетом, используя дуло, как указатель для воображаемых целей. Надя слушала его и с опаской косилась на ствол. Петров продолжал объяснять:

– Да, мы не можем позволить себе возродить старый мир, но мы можем уничтожать неугодных по праву силы и повышать свою производительность. Это нам Москва запретить не может. Мы должны поднять качество жизни в отдельно взятой Борисовке до такого уровня, чтобы люди перестали раз в несколько лет пытаться сбежать в этот сатанинский Улей. Зачем быть постчеловеком, когда быть человеком хорошо? Так?

Надя была обескуражена. То, что люди говорили о Петрове и то, что она сейчас видела, сильно разнилось. Казалось, что у него есть какое-то магическое преимущество перед другими людьми.

– И этот без сомнения гуманистический план требует от тебя править здесь огнём и мечом? – спросила она.

– А чем мне ещё править? – спросил Петров. – Ты видела, с кем мне приходится иметь дело? Многие даже читать не умеют! Если позволить этим людям делать всё, что им вздумается, кто может гарантировать, что мы друг друга не истребим, или что не поднимется очередное безумное восстание против пóстов, которое закончится тем, что нас всех вырежут под корень? Ты хоть понимаешь, что мы не нужны им? Они берут у нас новую кровь время от времени, чтобы не заплесневеть в своём вонючем Термитнике, но пóсты вполне способны протянуть и без нас. А можем ли мы без них? На данный момент ответ один – нет! Не будь этого города рядом, у нас не было бы ни хрена – ни батарей, ни электричества, ни крепких материалов, ни фабрикаторов, будь они прокляты, ни-че-го.

– И что, ты ожидаешь, что я в одиночку построю тебе заводы и города? – спросила Надя. К её собственному неудобству, этот разговор её увлёк. – Это всё какой-то пиздец, если честно...

Петров поморщился и сказал:

– Перестань ругаться, тебе это не к лицу. Оставь это мужланам, вроде Славы. Или меня, – он фирменно улыбнулся. – Ты инженер. Сегодня это самая редкая и нужная профессия после врача. Мне нужно, чтобы ты передавала свои знания людям и объясняла им, как решать инженерные проблемы. Время от времени ты можешь и сама что-то чинить, давать советы по технической части. Если для этого можно как-то применить технологии пóстов – отлично. Нашим людям это действительно нужно.

– Почему я? Кто тебе нашептал?

– Мне рассказали, что ты собрала летательный аппарат на основе техники постов. И ещё кое-что о том, кто ты и откуда. Я сразу же объявил вас в розыск, но вы на удивление умело скрывались. Близилось окно иммиграции, и я понял, что ты непременно уйдёшь в полис. Я это почувствовал, дал твои приметы своим людям, а заодно приказал БЧП активнее шерстить буферный лес в твоих поисках, – Петров демонстративно убрал пистолет в кобуру на пояс. – По-моему, ты не понимаешь, что хотела сбежать в место, где твоим навыкам грош цена. Ты стала бы там одной из двух миллионов безликих нелюдей. А здесь ты такая одна. Буквально. Люди будут тебе благодарны. Подумай об этом.

Он сказал это и, не дожидаясь ответа, вышел, оставив её переваривать услышанное.

Щёлкнул замок на двери. Она всё ещё пленница.

Глава 2

«Оптимизируй – управляй!»

(девиз Центра Адаптации)

###

– Ну, что, салага, готов показать класс? – скалясь, вопрошал Гуань Юй.

Марк знал, что учитель нарочно провоцирует, но всё равно поддался:

– Я не виноват в том, что случилось в прошлый раз!

Юй фыркнул и сказал, отмахиваясь:

– Иди уже...

– Я делаю свою работу с душой! – сказал Марк, смотря на ментора исподлобья. – Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Разве не так вы сами учили?

Никто не знал, сколько Гуань Юй лет – его досье было засекречено задолго до рождения Марка, но юноша полагал, что старику никак не менее двухсот; чего по его внешности конечно никак не скажешь.

От скуки учитель иногда позволял подопечным дерзить себе, но бывал суров с теми, кто пересекал незримую черту.

– Сочувствие может дорого стоить, – сказал Юй. – Могло сложиться иначе.

– Но не сложилось...

– Прекрати это немедленно! – отрезал учитель. – Ты должен быть бесстрастен, забыл? Вероятность была, потому что была возможность. Тот факт, что она не была реализована, не означает, что это произошло исключительно благодаря твоим действиям; как не говорит он и о том, что какие-то твои действия не могли косвенным образом привести к реализации негативного сценария. Понял, что это за ошибка?

– Да, – ответил Марк. – Ошибка выжившего.

– Вот именно. Иди. И не провоцируй их больше. Сейчас нам нужно, чтобы прошло как можно больше людей.

– Таков план?

Он имел в виду План.

Гуань Юй пожал плечами и сказал:

– Ну да, таков План. Восполняют потери в нижнем городе после пожара в ОКП.

– И много народа погибло?

– Не бери в голову, без тебя разберутся. Иди.

Марк зашёл в светлую аудиторию на полсотни персон, заполненную примерно на треть.

– Пожалуйста, садитесь, – включив микрофон, попросил он.

– Что теперь?

Говорила молодая красивая брюнетка с жутким шрамом на лбу, одетая, как и все остальные, в свободную тёмно-синюю пижаму. Нет, не просто красивая, подумал Марк. Пожалуй, выдающаяся. Она устроилась за одним из столов и закинула на него ноги. Боится и прячется за бравадой.

Зря.

Они сдали тесты, с ними провели первичный инструктаж, их вымыли, одели и накормили. Если они прошли до этого этапа, то бояться уже нечего. Позади остались все печали внешнего мира с его болезнями и дикими нравами. Но они не скоро это поймут и примут. Некоторое время они будут вести себя совсем как зверьки. Осознание придёт позже.

Или нет.

Марк зна́ком попросил подождать. Он всё молчал, собираясь с мыслями и позволяя людям утихнуть. От почти двух десятков сбитых с толку предместников его отделяет несколько метров густого воздуха. Он их не боялся. Он делал это трижды за последние пару дней. Но каждый раз было что-то новенькое. Иногда люди истерили, пытались причинить вред – как ему, так и себе, и окружающим, а иногда вели себя слишком замкнуто; поэтому для начала Марк задействовал железы, растворяющие в воздухе сигнальные вещества, способствующие доверительному общению.

– Добро пожаловать в Москву! – наконец сказал он и улыбнулся. – Меня зовут Марк Вернер. Я отвечу на ваши вопросы и буду руководить вашей адаптацией.

Кажется, им это понравилось. В неброской чёрно-зеленой форме Центра Адаптации он смотрелся совершенно неопасно. Все посты выглядели очень молодо, поэтому его относительно юный возраст не бросался в глаза.

Люди повернулись к Марку, кое-кто заулыбался в ответ, остальные хмурились, особенно мужчины, которые в зале были в меньшинстве. Они не были пьяны от его химии – юноша всего лишь сделал их иррациональный страх менее осязаемым.

– К первому вопросу, – он обратился к девушке со шрамом. – Сегодня мы проведём МРТ-интервью для вашей профориентации, после чего вы получите первичное назначение. Полгода вы будете жить в Центре Адаптации. Там вам дадут необходимые для жизни в городе знания и модификации организма.

– Что ещё за модификации? – насторожился самый старый из них.

Марк не смог навскидку определить его возраст. То ли шестьдесят, то ли семьдесят. Разве их вот так разберёшь?

– В первую очередь мы дадим вашим нервам связь с Квалиа.

– И сможете читать наши мысли?

Он пристально посмотрел в глаза вопрошающему и сказал:

– Ваши мысли я читаю и без этого, – мужчина, услышав это, фыркнул. – Вы боитесь, что, став частью сети, потеряете часть себя, – и вот его ухмылка сошла с лица. – Я наслышан, что это расхожий стереотип в предместьях, уж не знаю, откуда он взялся, но поверьте мне – я всю жизнь подключён, с самого рождения, и не растерял ни капли самости. Или кому-то из вас кажется, что я не личность?

Люди переглянулись, не зная, что ответить. Он что-то имеет в виду? Это тест? Ловушка?

– Мне так не кажется, – сказал крепкий молодой блондин, державшийся позади.

– Благодарю!

Старик снова взял слово:

– А если я передумаю? Могу я вернуться домой?

Умолк шёпот. Новички уставились на Марка в ожидании ответа на самый главный вопрос – мы рабы или мы свободны?

Марк не знал одного верного ответа. Но он знал регламент.

– Нет. Попав сюда, вы остаётесь здесь. Только параметристы, вахтовики, фуражиры и полевые инспектора могут покидать пределы города. Но на эти профессии нужно долго учиться. Вы все дали электронную присягу, разве это не так? – люди недовольно заёрзали. Почему-то предместники ненавидели любое упоминание о долге. Лично он не понимал их страха, но в силу профессии научился его идентифицировать. Он решил подсластить пилюлю. – Не стоит из-за этого так переживать. Большинство жителей Москвы никогда её не покидает, потому что здесь есть всё необходимое для долгой и счастливой жизни.

– Для долгой жизни пóстов! – сказал долговязый мужчина, вокруг которого сидела вся его семья – двое сыновей и молчаливая, напряжённо смотрящая по сторонам жена. – А как насчёт нас? И как насчёт тех, кто остался там? Мне всегда было интересно, почему вы нас... их игнорируете?

Дети определённо пошли в отца. Они вот-вот заговорят, и это, пожалуй, плохо.

– Вы стали им врагами задолго до того, как оказались здесь. Ведь вы сами скоро станете пóстами, – ответил Марк. – Если того захотите, и если ваша адаптация пройдет успешно.

– А если нет? – спросил старший сын долговязого.

– Тише, Ярослав! – суеверно шикнула на него мать.

– Переживать не стоит – вероятность полной адаптации крайне высока. Что до тех, кто перешагнул пятидесятилетний порог, и в случае медицинских противопоказаний, вас может ожидать несколько сценариев, – тут Марк покосился на публику и увидел пару испуганных лиц, в том числе и лицо того старика. С ним могут возникнуть проблемы. – Вспомогательный персонал живёт в нижнем городе, обеспеченный едой и работой в той мере, в которой это может понадобиться. Те, кто по физиологическим причинам не сможет приобщиться к Ква-лиа, станут развивать инфраструктуру нижнего города, будут заниматься отгрузкой и приёмом ресурсов или устроятся в Отдел Коммуникаций с Предмествами. Сокращённо ОКП. Он почти полностью состоит из таких людей.

– А остальные? – не унимался подросток. – Вы сказали, путей несколько. А назвали два – в Верхнюю Москву и в Нижнюю. А куда ещё?

– Ясное дело, куда, – сказал старик.

Марк позволил себе сказать правду:

– Есть ненулевая вероятность того, что некоторые из вас умрут во время процедуры биохимической адаптации, – мальчик притих и сглотнул. – Поэтому, молодой человек, если вы почувствуете необычные ощущения в своём теле, то сразу же сообщайте об этом вашему куратору – то есть, мне. Чем раньше мы обнаружим отклонения, тем вероятнее, что мы сможем вмешаться прежде, чем случится трагедия. Жизнь человека священна.

– Жизнь пóста священна, – буркнул долговязый. – Но что насчёт жизней людей старого образца – исходников?

– Там не все такие! – сказала беременная женщина лет сорока. – Многим всё равно, лишь бы был кусок хлеба!

– Их жизнь тоже священна, – сказал Марк, не желая акцентировать внимание на вопросах сегрегации. Тему следовало перевести.

– Ну-ну, как же, – снова вмешался старик. Он смотрел в поверхность стола и не поднимал головы, будто боялся, что Марк его загипнотизирует. – Я готов сменить место жительства. Предмествья – это ад на Земле, а вернее, чистилище. Поэтому я здесь. Но я не готов выслушивать лицемерную чепуху о том, что "жизнь человека священна".

– Вы не согласны с этим высказыванием?

Старик усмехнулся.

– Согласен ли? Как вам сказать? Вот, фуражир убил моего братца...

– За что? – успел спросить Марк.

– А он якобы убил пóста.

– Якобы?

– Ну никто этого не видел, а он возьми и сторяча признайся вашим. Долго, в общем, объяснять! Так вот. На моих глазах в него выстрелили какой-то хренью, которая обволокла его тело и сжала его так, что все его внутренности потом можно было уместить в детском ведёрке. Сначала он орал от боли, потом от ужаса, а потом, – старик издал непристойный звук губами, – он захлебнулся собственными кишками. И я сам ни на что не претендую, конечно, но считаю, это было жестковато для тех, кто проповедует, что человеческая жизнь священна.

– Что вы хотите всем этим сказать? Ваш брат был убийцей, его лишили жизни. Всё честно.

– Честно? О, да! Вы же изобрели это оружие, которое делает с человеком такое? Если мне и здесь придётся постоянно мириться с тем, что люди говорят одно, а делают другое, то я точно вконец ебанусь!

Предместники засмеялись. Хорошо. Возможно, сам того не зная, старик своим парадоксальным мышлением облегчил Марку работу.

– И священную жизнь возможно загубить, – сказал юноша, припоминая лекции по параметристике морали. – Те, кто закрыл для себя путь в мысли других, сами делают первый шаг навстречу разрушению. Наше общество состоит из людей. Мода на разрушение и саморазрушение уничтожает мир. И порой необходимо толкнуть падающую конструкцию, чтобы она уступила место новой, лучшей, более совершенной.

– Фашизм, – будто услышав подтверждение своим мыслям, возмутилась красивая брюнетка со шрамом.

Марк пожал плечами.

– Я понимаю, почему вы это говорите. Нас называли и более страшными именами. Отвечу вам так – мы не имеем чётких политических воззрений, так что классификация ваша как минимум неполна. В нашем мире трудно будет найти кого-то, кто придерживался бы какой-то одной школы.

– Чё ты там бубнишь, ничё не понятно, – сказала вдруг дородная женщина, до этого внимательно молчавшая. – Что и когда мы будем есть? Во сколько подъём? Сколько рабочих часов в день и чем платят? Остальное мне до фонаря! – в конце она сделала выразительный жест рукой.

Марк прочистил горло и сказал:

– Как следует из того, что я говорил, это будет зависеть от касты, к которой вас отнесут. В любом случае, серьёзных проблем в быту у вас больше не возникнет.

– Касты..., – пробормотал старик, обхватив руками голову. – Бля, куда я попал?...

В комнате поднимался недовольный рокот.

– А выбирать между кастами можно? – подал голос ещё один мужчина, всё это время сидевший прямо перед Марком, но как будто только что возникший из ниоткуда.

– Иногда, – ответил Марк и поднял руки ладонями вперёд. – Так! Я сказал, что отвечу на ваши вопросы, но я не говорил, что объясню вам всё. На это не хватит и жизни. Минутку внимания, я прошу вас... Тихо! – он сказал это так, что все сразу же замолкли. – Город – сложнейший механизм, вооружённый компьютером предельной мощности. Вдумайтесь в эти слова! КПМ – это механизм, сложность которого превосходит сложность каждого из нас, и способный дать ответ на любой вопрос!

– Он как Бог? – спросила вдруг девочка, совсем малютка с большими ясными глазами цвета неба. Её привёл сюда старший брат. У них больше никого не было.

– Как целая толпа богов! – сказал Марк. Он и сам не заметил, как распалился. – Кроме Москвы существуют и другие полисы, населённые постами. Всего их в мире сейчас сто двадцать семь. Все КПМ этих городов связаны между собой в единую сеть. И, хотя граждане разных полисов не могут общаться друг с другом, обмен информацией всё время происходит. И ни я, ни сами параметристы, никто из живущих не способен понять, как именно КПМ выполняет свою главную и единственную задачу – ведёт человеческий род по пути выживания и процветания.

– Всем всё понятно? – съязвил старик. – Слава Богу, теперь мы в хороших руках! А теперь, брысь по шконкам, мыши.

Марк нахмурился.

– Вы не делаете лучше никому, устраивая этот фарс.

– Кто? Я?! – казалось, старик не ожидал, что ему что-то выскажут. – Ну наконец-то, хоть что-то настоящее в этом проклятом месте! И что же мне теперь грозит? Не хочу я здесь оставаться! Я передумал, понятно?

С этими словами мужчина встал и пошёл к выходу из аудитории.

– Это плохая идея, – сказал Марк, но не стал мешать ему.

Исчезнув за дверью, он исчезнет навсегда. И случилось бы непоправимое, но путь к выходу преградил блондин.

– Дядь Виталь, не ходи, а? Сядь, помолчи лучше, за умного сойдёшь.

– Ты ещё чего пристал? Отойди! – старик дёрнулся направо, но парень шагнул туда же. – Отойди, сказано! Тебе легко, ты молодой. У тебя ещё нет нутра-то толком, поэтому оно и не кипит, когда в него свои грязные пальцы хотят засунуть без твоего спроса.

Блондин, вопреки ожиданиям, не поддался, а наоборот, ухмыльнулся, сощурил глаза и сказал:

– Ты же пришёл сюда сам, дядь Виталь. Ну? Не ломай комедию. Я помню, как ты захотел и пришёл. А откуда ты ушёл? Почему? Помнишь? – дед вдруг прекратил сопротивление. – А то вспомнил бы, говорю тебе. Вон, присядь на место. Мы оба понимаем, что если ты сейчас выйдешь, то мы больше не увидимся, и это вовсе не потому, что ты отправишься домой. А я ценю, дядь Виталь, тебя, как человека.

– Брехло...

– Ты мне нужен! Хватит пытаться подловить их. Ты уже вон, старый пень, а всё не понял, что всё, что люди говорят – враньё? Окстись! Приди в себя, иди, сядь. Иди, говорю. Сиди и жди! Мы всё сделаем правильно!

Марк наблюдал этот разговор не без азарта. Он чуть не завалил сегодняшнюю сессию, а этот парень вдруг берёт инициативу на себя и косвенно помогает ему, доминируя и покровительствуя старшему товарищу! Интересный, однако, экземпляр, подумал Марк. Явный кандидат в верхний город. Нужно будет его отблагодарить при случае.

Старик добрёл до своего места и рухнул на стул. Он уставился в поверхность перед собой и сказал:

– Ох, Стасик, за что нам это с тобой всё... Я ж не о себе пекусь. Не понимаю, как у тебя самого ещё сердце не разорвалось! Она же там осталась, Надюша...

Глаза парня блеснули влагой. Дрогнувшим голосом он обронил:

– Всё будет хорошо, дядь Виталь.

Казалось, всем в комнате стало стыдно за то, что они наблюдают эту интимную картину. Девочка с голубыми глазами расплакалась, кто-то вторил ей.

Но никто не поддержал этих двоих. Наверное, потому что у каждого здесь есть история, и многие из них пострашнее разлуки с любимым человеком.

– Кто остался там? – спросил Марк.

– Его мать.

– Мама, – ответил блондин.

– Бывшая жена парня, которого так славно вздрючили фуражиры у меня на глазах, – после этих слов дяди Витали, в аудитории пахло тленом, и все это ощутили.

Марк подумал, что люди наверное всегда были связаны умами, и без всякой Квалиа. Просто раньше нам приходилось полагаться только на интуицию и язык, чтобы воспользоваться этой связью.

Очень скоро эти люди отрастят фантомные пальцы, способные пересчитать бесконечность. Тогда они начнут понимать. А пока что и говорить нечего!

– А что с ней? Почему она не с вами?

– Её похитили люди из БЧП. Прямо перед тем, как мы попали к вашим.

– Мне очень жаль...

– Ну, ещё бы..., – пробурчал дядя Виталя.

Марк сказал:

– Получая гражданство, вы получаете привилегию воссоединения семьи.

– А я могу стать фуражиром? – повысив голос, спросил Стас.

– Странное желание для человека, чьего отца убил один из них, – замечает Марк.

Стас смотрит Марку прямо в глаза. Он абсолютно честен, когда говорит:

– У фуражиров сила. Будь я как они, я бы смог защитить свою мать. А ещё раньше – и своего отца.

– Возможно, так и было бы, – согласился Марк. – Что ж, такая вероятность есть. Но на это уйдут годы... Гражданство вы получите гораздо быстрее.

– Если я могу, то я стану! – сказал Стас. – Запишите меня.

– Очень хорошо, – одобрил Марк. – Так и запишем. Мы надеемся, что вскоре все вы станете как мы.

Закончив с ознакомительной частью, он зарегистрировал их всех в сети и взял у них биологические пробы. Следующим этапом было МРТ-интервью с каждым из них по отдельности. Но перед этим он покажет им город – пусть хоть одним глазком посмотрят на то, куда они прибыли. Его опыт показывал, что такая поездка положительно сказывается на лояльности.

– Это не по регламенту, – пробурчал Гуань Юй на выходе из комплекса. – Я позову сопровождение.

– Так будет лучше.

– Запомни, сынок – держи сердце в тепле, а голову..., – он коснулся пальцем лба Марка. – Голову всегда держи в холоде. Сочувствие может дорого стоить.

Глава 3

«Вернее было бы называть его Компьютером Беспредельной Мощности. Сегодня вопрос уже не в том, что может компьютер, а в том, что именно он вычисляет. Мы лишь ставим вопросы. Мы корректируем систему, но делаем это, не выходя за рамки условий, навязанных этой системой. Мы санитары леса, но давно не видим леса за деревьями!»

(из речи М. Вернера)

###

Снаружи город выглядел как поросший мхом и травой гигантский пончик, наполовину утопленный в землю. Непрístupная крепость, вечно изрыгающая из себя отходы, потребляющая какое-то безумное количество воды и углерода и охраняемая киборгами убийцами – фуражирами.

Термитник – так его называли в народе.

Изнутри же Москва была совсем иной. Первое впечатление – очень много закрытых пространств и очень много стекла. Искусственный свет всех оттенков от многих тысяч источников слепил глаза. Люди старого образца всюду ходили разинув рты. Стас и представить себе не мог такой роскоши. Всё вокруг было сделано, чтобы служить человеку, однако он так и не встретил тут ни одного случайного человека.

Куратор как будто намерено вёл их особенно живописным маршрутом. Им открывались потрясающие виды на висячие сады, воздушные аттракционы, а ещё был стадион, на котором перед пустыми креслами плясали громадные голограммы.

Не настоящий простор, но не тесно.

Тот парниша Марк и ещё один тощий пост всё время были впереди группы, а замыкали шествие ещё двое. Эти были похожи друг на друга как братья и всю дорогу молчали. В какой-то момент процессия оказалась на длинной изогнутой лоджии, и Стас наконец смог увидеть панораму центра Москвы. Над головой приветливо светило солнце, а небо было такое... словом, самого небесного цвета. Он даже забыл на секунду, что все полисы мира наглухо запечатаны.

В самом центре города шпилем стоял цилиндрический небоскрёб, вокруг которого вертелась вся жизнь. Загнутые сверху стены исполинского строения сливались со всеобъемлющей крышей полиса, транслирующей невероятное небо. Здесь простор был настоящим. Иллюзия теряла достоверность только в том месте, где небоскрёб сходил с небом.

Стас заметил повсюду, на земле и в воздухе, множество причудливо передвигающейся насекомоподобной техники. Он подошёл к бортику балкона, чтобы посмотреть вниз. Резкий порыв тёплого ветра окутал его, и он отпрянул назад.

– Система заботится о вашей безопасности, – сказал Марк. – Можете спокойно любоваться городом.

– Очень мало людей, – задумчиво всматриваясь вниз, сказал Стас.

– Многие сейчас находятся в сети. В общественную жизнь вы окунётесь позже. У вас ещё будет куча времени.

– Куча времени, – довольно процедил долговязый.

Тот вообще болтал без умолку и всё про себя. Несколько молчаливых женщин примкнули к его семье, ходили за ним неотступно и слушали с открытыми ртами, напоминая в своей одинаковой одежде выводок огромных двуногих птиц. Его жена тут же взяла над ними шефство. Выяснилось, что долговязого зовут Родион, и что он, по его словам, «политический». Всегда старался ради простого народа, но бежал из северо-восточных предместий от произвола БЧП.

Странным образом он умудрялся искать и выпячивать изъяны места, в которое бежал, и тут же принимал их как должное и даже хвалил. В чём-то они были похожи с дядей Виталей, поэтому сразу же друг друга невзлюбили.

– Вы сделаете нас всех одинаковыми, – жаловался Родион почти безнадежным тоном, но тут же как-то поднимался. – Но так и быть, всё равно снаружи жизнь не лучше. Наверное, я сделал для этих людей всё, что мог. Как говорится, выбирай из двух зол, да?

Посты на него не реагировали.

– Будем учиться первое время, прям как собаки. Но если сдюжим, то проживём очень долго и, главное, сыто! – возвестил Родион своей семье. Его дети улыбались. Они были счастливы. – Хотя кирпич на голову может упасть, от этого тоже никто не застрахован... Но кирпич – не пуля!

– Смотри, сынок, – сказал вдруг дядя Виталя в своей особой манере, по которой Стас заранее понял, куда собирается клонить беседу старый. – Наш борец за простой народ хочет стать собакой!

– А чем ты лучше? – возмутился Родион. – Пришёл сюда, чтобы присосаться, как паразит, и доить постов, пока спокойно не сдохнешь от старости? Достойный план! Настоящий революционер в деле...

– Ты давай не пизди! – отрезал дядя Виталя. – Сколько тебе лет, пшено? Сорок? Мне семьдесят. Я видел таких как ты и знаю, что ты за говно такое – заранее знаю! О народе он заботился. Соглашайся, не соглашайся с тем, что с тобой происходит, всем по хую! Ещё раз откроешь свою поганую пасть и начнёшь молоть чепуху про себя любимого и свои ссанные взгляды или планы, и я найду способ сократить твою драгоценную, да хоть бесконечную жизнь до одного дня, понял? Мне терять нечего! А тебе следовало бы поучиться уважению к старшим! Кто тебя воспитывал? Обезьяна? М?!

Родион сделал шаг в сторону дяди Витали, но прежде, чем тот успел что-то предпринять, Стас оказался между ними.

Вмешался Марк:

– Прекратите конфликт немедленно! Вы ведёте себя неразумно. До тех пор, пока вы со мной, больше никто не должен выражать агрессию.

– И что нам за это будет? – задрал подбородок, спросил дядя Виталя.

– Проверьте сами, – ответил Марк.

– Мальчик..., – начал было он, но Марк его перебил.

– Хватит, – сказал он и посмотрел старику в глаза.

«Ну всё...», – подумал Стас.

– Пока хватит! – выдержав взгляд, ответил дядя Виталя.

– Вы ведёте себя неразумно, – спокойно повторил Марк. – Я не понимаю, почему люди, пришедшие сюда, чтобы начать новую жизнь, продолжают ненавидеть это место?

– Ты когда-нибудь бывал снаружи? – спросила вдруг девушка со шрамом, до этого момента пребывавшая словно в спячке. Её звали Лена. Стас познакомился с ней ещё в приёмке.

Куратор замешкался. Казалось, он чем-то смущён и старался не подавать вида, отчего это впечатление усугубилось. Стас заметил, как тот тощий пост ухмыляется, глядя на Марка. Другие называли этого Гуань Юем.

– Конфликт исчерпан! – сказал тот. – Пошли!

Их расселили в общежитии Центра Адаптации. У каждого была своя отдельная комната. Посты называли их "номера́ми", но Стас не понимал, почему. Может, они весь мир воспринимают как числа?

"Да нет, глупость какая-то", – думал он, изучая своё новое жильё. Места было не слишком много, но здесь было чисто, свежо и по-своему уютно. Им показали, как пользоваться туалетом

и водопроводом и принесли еды – это были разноцветные брикеты, не имевшие конкретного запаха и вкуса, а ещё горячий напиток, вроде иван-чая.

Поев, Стас разделся и лёг на кровать, ожидая, пока его вызовут. Забравшись под одеяло, он задремал и снова увидел тот день.

Он был один в их сельском амбаре и играл с ящерицами, которых наловил до обеда. У некоторых рептилий отваливались хвосты, и, глядя на них, пятилетний Стас мечтал о том, чтобы он мог точно также отстёгивать и пристёгивать свои руки и ноги, когда надо. На вопрос зачем, он бы ответить не смог, но это точно было бы очень круто! А ещё было бы круто бегать также быстро, как ящерица!

Тревожные голоса на улице вырвали его из мира грёз. Это был его отец, дядя Виталя, мама, и ещё кто-то. Сначала ничего не было понятно, тогда Стас подошёл к маленькому окошку и увидел всех их, плюс ещё одного мужчину и... О! Стас ахнул – фуражир! И не один, а двое. Их чёрные доспехи блестели и переливались на солнце. Раньше он видел пóстов только на картинках.

– Может быть, тут какая-то ошибка? – взволнованно спрашивала его мать.

Пост указал на мужчину, который стоял между ним и его напарником.

– Ошибки нет, если только этот человек нам не врёт, – голос фуражира звучал слишком ровно для человеческой речи. Его лица не было видно за маской боевого костюма.

– Я н-не вру! – выпалил их спутник. На фоне киборгов он выглядел маленьким и сморщенным.

– Что вы можете сказать в своё оправдание? – спросил фуражир у отца Стаса. – Если вы скажете, что этого не делали, то сейчас мы уйдём, чтобы проверить показания этого человека. Но мы вернёмся, если выяснится обратное. А правду мы, будьте уверены, так или иначе узнаем.

– Что ж, желаем вам в этом удачи! – сказал дядя Виталя. – Лично я ничё не делал, первый раз слышу вообще про то, что пóста можно убить, я думал, вы бессмертные или типа того... Будут доказательства – милости просим!

Голос подал второй фуражир:

– Наказание за убийство пóста – смерть. Это закон! Когда мы вернёмся с доказательствами, нам не нужно будет их вам предъявлять. Мы спалим эту сраную ферму до основания и вас, дикарей ебучих, спалим вместе с ней, понятно?

– Ещё раз повторяю вопрос, – снова сказал первый, жестом остановив соратника. – Что вы можете сказать в своё оправдание?

– Семье моей решил угрожать? С хуя ли нам перед тобой оправдываться, таракан ебанный? – вспыхнул папа. Папа был странный. Крупный мужчина, настоящий северный воин. Он всегда говорил конкретно, даже когда витиевато шутил. Это его и погубило. – Допустим, я убил его! А потом разрубил его на куски, чтобы посмотреть, из чего вы сделаны. И, чёрт побери, я был разочарован! Такое же мясо, нервы и кости. Поэтому я скормил его собакам!

Стас услышал короткий хлопок. Отец сделал два шага назад.

– Чё это? – спросил он, дотрагиваясь до серой кляксы на груди.

Она начала расти и вскоре сковала движения его рук и ног. Отец пошатнулся и свалился на землю беспомощной серой гусеницей. Мама подбежала к нему, крича:

– Коля! Остановите это! Вит, помоги!

Но дядя Виталя молча стоял в стороне, схватившись руками за голову.

Отец начал задыхаться. Весь он был покрыт этой странной живой тканью. Мама схватила его обеими руками. Сначала папа попытался улыбнуться, но его лицо быстро превратилось в гримасу боли. На лице вздулись вены. Он некоторое время держался, а потом закричал. Как и говорил дядя, сначала от боли, потом от ужаса, а потом – наверное от безумия.

И вдруг крик прервался. Страшное оружие перемолотило тело его отца в кашу.

Стас заплакал, спустившись на землю, и зажал уши двумя руками, что было сил, но этот вопль, навсегда отпечатавшийся в его памяти, всё ещё оглушал его разум.

– Ах ты, ублюдок! – узнал он голос матери.

Его трясло, но он переборол себя и рывком вскочил, чтобы посмотреть, что происходит. Дядя Виталя стоял на коленях около абсурдно маленького биополимерного кокона со своим мёртвым младшим братом и плакал. Мама двигалась в сторону мужчины, пришедшего с фуражирами.

– Ах ты, паскуда, гнида, падла! – Стас никогда раньше не слышал от своей мамы такого. Фуражиры выставили перед собой руки, не пуская её.

– Я не виноват в том, что сделал твой мужик! – оправдывался стукач.

– Уж ты-то знаешь, кто это сделал!

– Ты не виноват? – подал голос дядя Виталя. Он чуть не смеялся, говоря это. – Да с тобой теперь люди разве что говно жрать сядут – и то, только с лица твоей мамы! На что ты рассчитывал? Сука... Ну как так... Колян, братишка...

Пока происходила эта безумная сцена, фуражиры о чём-то договаривались. Они почти синхронно опустили руки. Тот, кто говорил самым первым, сказал:

– Не смеем больше вас задерживать. Всего хорошего!

Стас никогда не видел, чтобы люди так быстро бегали. Точно быстрее ящерицы!

Пóсты скрылись, оставив своего сопровождающего беззащитным перед лицом неминуемой мести. Как только их след простыл, дядя Виталя сразу же выстрелил. Плохой человек упал и ещё долго ворочался на земле, жалобно и влажно сипя. Пока дядя Виталя разделял его на шесть частей при помощи топора, мама плакала над трупом папы. Стас убежал в дом через заднюю дверь амбара, спрятался под одеялом в маленькой комнате и ещё долго лежал там один, запрещая себе плакать.

Совсем как сейчас.

А потом Стас спал и во сне видел, как во главе отряда фуражиров врывается в избу Петровых и без жалости разрывает их всех на куски.

###

Последующие недели состояли в основном из лекций и медицинских процедур. Их купали в какой-то мутной жиже, заставляли пить горсти таблеток; им делали инфузии и инъекции и засовывали различные предметы всюду, куда они только могли проникнуть.

Лена называла эти процедуры моральным надругательством. Но ещё больше ей не нравился процесс перевоспитания. Поначалу она ненавидела обучение и плохо справлялась с тестами, на что постоянно жаловалась Стасу – единственному человеку её возраста из всей группы. Выслушав её, он сказал:

– Вовсе не обязательно отвечать то, что думаешь на самом деле. Просто пойми, что им нужно, и дай им это. Тогда они от тебя отстанут и даже помогут. Им плевать, что ты думаешь, главное то, что ты говоришь.

Лена поджимает губы, резко выдыхает через нос, но всё-таки кивает.

– Может быть, ты прав, – говорит она. – Слушай, а почему ты хочешь быть фуражиром, Стас? Они же чудовища! Ты совсем не похож на убийцу...

– Я должен спасти свою мать из лап Петрова. Только фуражир может противостоять целому клану.

– Вот как! – говорит она. – Пожалуй, это крутой план!

А потом у них был секс. Быстрый, нервный, как будто в отместку всему миру. И больше это не повторялось.

Бывшие предместники теперь питались строго по расписанию и всегда по специально разработанной для каждого из них диете. Стасу повезло быть не привередливым в еде, но многие плевались.

– Не, ну это просто какая-то постная хуйня! – сетовал дядя Виталя. – Пóстная, ха-ха, ты понял? Ни вкуса, ни цвета, ни запаха, ни консистенции, чёрт-те что, а не жратва. Я бы им за это и в голодный год гроша не дал. И как они только здесь все не ухайдокались?

Им объяснили, что в ходе адаптации они получают возможность управлять вкусом этих брикетов при помощи силы мысли, но Стасу с трудом верилось, что такое возможно. Что до дяди Виталя, то он отреагировал народной мудростью:

– Конечно мы их полюбим, сынок! Ибо как сделать человеку хорошо? Сделай ему плохо, а потом – как было! Пхаха! Достаточно пару раз покормить нас брикетами со вкусом дерьма, из которого они сделаны, если ты понимаешь, о чём я.

Стас не понимал, почему посты терпят дядю Виталя. Более того, со временем они стали относиться к нему с каким-то особым почтением. Завидев его, они замирали в ожидании, что же такое он теперь отмочит – и он мочил. Всем это нравилось, хотя в Москве Стас ни разу не видел, чтобы пост матерился. Ему даже пришлось спросить Марка, в чём дело, и отчего к его дяде сложилось такое особое отношение. Это было во время сеанса купания в странной медицинской жиже.

– Твой дядя Виталя – звезда! – сказал куратор, прогуливаясь босиком по бортику бассейна. – Таких, как он, здесь просто нет! Он первый человек, который прошёл биологическую адаптацию в таком возрасте! Ему невероятно повезло! После всех процедур он станет, можно сказать, вечным стариком. Людям в сети это интересно, ведь обычно иммигранты – люди до сорока лет, а все остальные выглядят молодо всю жизнь.

– Значит, перевёртыша можно узнать по возрасту, – заключил Стас, идя по дну. Жидкости было по грудь.

Марк смутился и остановился.

– Мы предпочитаем не использовать это слово. Человек, получивший гражданство, в правовом смысле во всём равен урождённому гражданину.

– Да-да, – сказал Стас, подгребая к бортику. – Конечно. Что ты там говорил про сеть? Не пора ли нас подключать?

– В вашем мозгу сейчас происходит работа нано-машин – биологических роботов, которые будут управлять работой нервной системы во время погружения в Квалиа. Этот процесс занимает некоторое время, машины должны размножиться и заразить буквально каждый нейрон ваших тел.

– Когда? – спрашивал Стас. – Когда я смогу сделать хоть что-то?

Марк увидел, как он сжимает кулаки.

– Я могу назначить анализы чаще. Как только концентрация переключателей в организме достигнет нужного значения, мы приступим. Ещё несколько дней.

– А когда я получу гражданство, чтобы потребовать спасти маму?

– У нас здесь не требуют, Стас, – сказал Марк. – У нас просят.

– Когда?

– Минимум месяц после подключения. Ты должен завести и обставить свою прихожую – я потом объясню, что это – а также встать на учёт в правительственных вселенных Квалиа и получить назначение на обучение. А потом нужно будет пройти дополнительный цикл лекций по параметристике, написать сочинение и дать новую присягу.

– Я уже сказал, что хочу стать фуражиром! – не унимался Стас.

– Вероятно так оно и будет, – отвечал Марк. – Но физический запрос возможен только в сети. Извини, так здесь всё устроено. Адаптируйся и возьми то, что твоё по праву. Я не могу сделать это за тебя, но я могу сказать, что нужно делать, чтобы получить то, что ты хочешь. Слушай меня – и преуспеешь. Я обещаю тебе.

Стас помолчал и взвесил его слова.

– Ты ведь понимаешь, что мою маму могут убить в любой момент?

Марк посмотрел на него, как на ребёнка и сказал:

– Всех могут убить в любой момент. Это прозвучит грубо, но если твоя мама уже мертва, то твои переживания неактуальны. Если нет – мы вернём её тебе. Расслабься и делай то, что делается!

Стас не стал отвечать, а вместо этого набрал воздуха в лёгкие и нырнул в жижу с головой. Он сделает всё, что в его силах. Если надо, он выпьет эту дрянь, умрёт и воскреснет. Он пойдёт на всё.

###

Первое его знакомство с симуляцией действительности происходило под чутким руководством всё того же куратора. Марк лично усадил Стаса в ячейку, покрытую прозрачным гелем и сказал:

– Просто расслабься. Этот гель знает тебя лучше тебя самого. Он понимает, как устроен твой нюх, зрение, ощущение тела и его положения в пространстве и бесчисленные другие функции и возможности твоего мозга и органов чувств. Ты насквозь пронизан машинами, которые ведут непрерывный сбор информации. Но кроме того, они способны и модулировать твоё восприятие и поведение.

От этих слов у Стаса побежали мурашки.

– При помощи этого можно сделать из людей зомби, – пошутил он, но Марк почему-то не засмеялся.

– Ты очень быстро осваиваешься, – сказал куратор.

– Это реально возможно?

– Есть теория, как сделать то, что ты говоришь, но для этого нужно использовать джинна...

– Это ещё что?

– На этот счёт нет ясности, – уклончиво отвечал Марк. – Но можешь поверить мне на слово – все функции сети полностью подчинены твоим центрам принятия решений. На данный момент нет известного способа обойти эту защиту. Первый раз мы подключим тебя вручную, но в дальнейшем все запросы сети на изменение твоего восприятия пойдут через твою прихожую, где у тебя будет полный контроль.

– Что такое "прихожая"? – спросил Стас. Он давно гадал над этим словом. В его номере не было никакой прихожей, и он догадывался, что речь о чём-то из фантомного мира.

– Это конструктор, в который ты сейчас отправишься, – сказал Марк. – Ложись. Закрой глаза.

Стас лёг. Вскоре он понял, что бездвижен, как будто очнулся в сонном параличе. Сначала он испугался и начал бороться с этим состоянием, но откуда-то издалека до него донёсся голос Марка: "Не сопротивляйся".

И он отпустил.

Его чувствования преобразуются коренным образом. То, что было Стасом, сочится сквозь сеть и ощущает мягкое давление на разные части "тела"; кажется, он слышит все запахи сразу, отчего они превращаются в нераспознаваемый розовый шум. Сам он трансформируется в сплошной сенсор, на время потерявший способность толковать действительность.

Всё ЭТО!

Оно сбивает с толку и завораживает. Какое же мы месиво чувств и чаяний! Обычно это не столь очевидно.

Пока его психея реорганизуется, алгоритмы сети ищут точки соприкосновения с деятельностью мозга. Только синтетически доработанные нервы жителя полиса способны на такое. Стас видит пятна разных оттенков, в ушах стоит приятный звон на средних частотах – каким-то образом он вызывает размазанные вкусовые ощущения.

Дыня?..

К этому моменту Стас понимает, что от него требуется, и вкапывается в сеть как хорошо адаптированный паразит. Он ползёт наименее энергозатратным путём. Постепенно синестезия пропадает: обоняние, вкус и осязание снова становятся отдельными чувствами. Здесь они часть интерфейса. Чувства – это рычаги для управления сетью. Это так естественно. Его мозг привыкает к необычной форме входящих сигналов. Световые пятна обретают форму; становятся отчётливо слышны причудливые нереальные звуки.

Наконец, вся эта кроссмодальная какофония утихает, и Стас обретается посреди ничто. Он чувствует себя голым, но не видит своего тела, поскольку, вокруг царит абсолютная непроглядная тьма.

– Добро пожаловать! – услышал он дружелюбный мужской голос, исходивший сразу ото всюду.

– Здравствуйте, – сказал Стас и был удивлён. Он звучал по-другому, как будто это был тот самый голос в его голове, предшествующий обычно словам, сказанным вслух. Он был чище, полнее и одновременно глуше, чем обычно. На слышимости, как таковой, это не сказывалось. Стас чувствовал, что может прошептать сколь угодно громко, и сколь угодно тихо крикнуть.

– Сеть Квалиа приветствует нового кандидата и желает ему преуспеть во всех его начинаниях. Кандидат может обустроить свою прихожую согласно своему собственному видению.

– Что я должен делать, чтобы обустроить прихожую? – спросил Стас всё тем же странным голосом.

– Кандидат может создать место своей мечты, просто произнося слова, – ответил голос. – Они вызовут образы, доступные для редактирования. Любые образы можно деконструировать, чтобы собирать из их частей новые образы. Всё это достижимо при помощи операций со словами или контекстных мысленных конструкций, закреплённых и выраженных каким-либо жестом. Попробуем?

– Ты говоришь очень сложно, – пожаловался Стас.

– Квалиа пользуется собственным пассивным словарём кандидата для общения с кандидатом, – сказала сеть. – Всё указывает на то, что кандидат способен понять сказанное.

– С кем я разговариваю? – спросил Стас.

– Сеть Квалиа приветствует нового кандидата и желает ему преуспеть во всех его начинаниях. Кандидат может обустроить свою прихожую согласно своему собственному видению. Ясно. Это не человек.

– С чего мне лучше всего начать?

– Сеть может предложить кандидату назначить управляющие параметры системы, – ответил голос.

Сокращённо – "УПС". Стас слышал этот термин от мамы, когда она рассказывала ему про параметристику.

Всем вокруг, говорила она, движут закономерности, проистекающие из свойств объектов и пространства, в котором они взаимодействуют. Стоит изменить свойство вещи, как изменится и её поведение. Свойства, направляющие систему в ту, а не иную сторону, и назывались её управляющими параметрами. Любая вещь, ситуация, феномен, человек, его мысль или действие несли в себе свои УПС. Главная задача параметристики – искать и точно указывать эти свойства, чтобы компьютер предельной мощности мог безошибочно моделировать поведение систем.

Пока Стас учился понимать сеть, та училась понимать его. Благодаря знаниям, полученным от матери в детстве, обучение работе в Квалиа шло довольно быстро, хотя и вызывало некоторые сложности. Оказалось, создать что-то устойчивое в своём уме не так-то и просто. Но уже через несколько дней прихожая Стаса всё-таки приобрела свои первые характерные черты. Он не любил закрытых пространств, поэтому и создал бескрайнее поле летним пого-

жим днём. На горизонте виднелся смешанный лес всех оттенков зелёного, из которого текла небольшая речка, рассекавшая бесконечную плоскость под ногами ровно пополам.

Марк объяснил Стасу, что отсюда он сможет ходить в иные миры, которые сами по себе были такими же прихожими других пользователей. Некоторые из таких вселенных были настолько глубоко проработаны, что обеспечивали одновременным досугом и развлечениями сотни тысяч постов. При желании можно было назначить модераторов с разной степенью допуска, помогающих в создании бесконечных деталей. Самые крупные фантомные вселенные насчитывали тысячи скоординировано трудящихся модераторов.

Однако пока Стас не мог приглашать людей в свой мир, поскольку он всё ещё не был гражданином. По указанию Марка он создал выходы в правительственные прихожие. Визуализировать их не составило труда.

Однажды они с мамой набрали на заброшенное бомбоубежище, законсервированное наверное ещё со времён Событий. Это была большая удача, и они прожили там довольно долго, пока их не обнаружили мародёры, и им не пришлось бежать. В одном из помещений был проектор. Мама сказала, что это "домашний кинотеатр". Среди записей на аналоговых носителях нашлись музыкальные видео старой эпохи – когда миром ещё правили национальные государства. Стас смотрел кино и раньше, но в этом случае в центре была именно музыка, а видео-ряд изображал, а иногда и менял смысл песен, для которых был снят. Стас навсегда запомнил картину парадоксальной одинокой двери, установленной посреди пляжа. Певец открывал её, а в дверном проёме зиял совершенно иной мир – ночное небо и фантастические пурпурные оттенки манили героя прочь от моря и безмятежности. Точно такие двери соорудил он и у себя в прихожей, снабдив их информационными табличками.

Его регистрация прошла успешно. Стас получил гражданство первым из группы предместников. Он сразу же оформил заявку на воссоединение семьи, а во вторую очередь записался в рекруты корпуса фуражиров. Оба прошения были рассмотрены в кратчайшие сроки. Он почти не интересовался культурной жизнью постов, а вместо этого сразу же стал посещать занятия, чтобы спрятаться от тревоги в ожидании результатов заявки.

Физическая подготовка входила в обязательную программу, и Стас с невиданной доселе удалью бегал, прыгал, бил мешки с наполнителем и участвовал в спарингах. Он безудержно крутил педали на велотренажёре, когда его вызвал по внутренней связи Марк.

– Привет, – сказал голос куратора прямо у него в голове.

Такой способ общаться до сих пор казался ему диким. Настоящая телепатия! Что-то в голосе куратора, однако, смутило его.

– Привет, – ответил он беззвучно, бросая педали и вытирая пот с лица полотенцем.

– У меня две новости, – помолчав мгновение, сказал Марк.

– Давай хорошую.

– Твоя мама жива и здорова.

Камень размером с полис рухнул с души Стаса и разбился вдребезги вместе с напряжением, в котором он пребывал последние три месяца. Он прыгнул с тренажёра и закричал:

– Я знал! Знал!

Другие рекруты мельком посмотрели на него и вернулись к работе над собой. Стас их не замечал. Он был счастлив впервые за всё время с тех пор, как оказался в Москве.

– Есть и вторая новость, – осторожно напомнил ему Марк.

Стас унял дрожь во всём теле и спросил мысленно:

– Плохая?

– Твоя мама предпочла остаться в Борисовке.

– Как?! Не может этого быть! Враньё!

– Используй регулятор и успокойся, – потребовал Марк.

Регулятор – это имплант, который вживили ему прямо в мозг. Этот биомеханический прибор, выращенный на подложке из его собственных стволовых клеток, позволял управлять работой внутренних и внешних желез при помощи сознательного усилия. Пользу этой вещи было трудно переоценить – если бы не она, то перевоспитание предместников занимало бы гораздо больше времени.

Стас подчинился и приказал себе успокоиться. Тут же волна тепла разошлась из живота и распространилась на всё тело. Стало полегче. Он по-прежнему знал, что ему нужно, но больше не страдал от отсутствия желаемого. Ничего! Он всё ещё может стать фуражиром и лично всё проверить!

– Я спокоен.

– Ты молодец, – сказал Марк.

Глава 4

«Природа никогда не скажет нам, что хорошо, а что плохо. Напротив, её отличает особая нравственная слепота, которую иногда по ошибке принимают за высшую справедливость. Все морально-этические концепции делают одну и ту же ошибку – они тщетно ищут в устройстве мира оправдания своим устремлениям в будущее, забывая при этом, что так называемое «устройство мира» – это не более, чем символическая система, порождение того же ума. Природа не может диктовать нам свою волю за исключением естественных ограничений, которые она на нас накладывает».

(директор Косов)

###

Родион сидел рядом с ней за стойкой гаштета и разглядывал полупустой стакан. Рабочий день только кончился, но в забегаловку уже набивались посетители.

- А я ведь сразу понял, кто ты, – сказал он.
- Да? – откликнулась Лена. – И кто же я?
- Ты дочь Петрова.
- Это распространённая фамилия, – отшутилась она.
- Ты знаешь, какого Петрова я имею ввиду.
- Даже если это так, то что с того?
- Наверное, у тебя плохие отношения с отцом, раз ты очутилась здесь.
- Отвратительные, – сказала Лена. – А как поживает твой отец? А жена? Детишки?
- Да пошла ты! – крикнул Родион, вскочив.

Люди озабочено смотрели в их сторону. Никто не хотел проблем. Лена и бровью не повела. У нижнего не было и шанса против поста, пусть даже и перевёртыша. Родион постоял рядом с ней набычившись и раздувая ноздри, но быстро взял себя в руки. Или это была выученная беспомощность?

- Что тебе от меня нужно? – наконец спросил он.
- Вот это я понимаю, разговор! – похвалила его Лена. – Отведи меня куда-нибудь, где не так много ушей.
- Забыла, где ты? Весь город – одно большое ухо!
- Против такого уха у меня есть средство, – заговорщически прошептала Лена. – Перестань выкобениваться и найди нам тихое место. Для тебя, между прочим, стараюсь.

Родион посмотрел на неё, нахмурившись. Он схватил стакан с пивом, допил его залпом и кивком пригласил её на выход из гаштета.

Нижний город был выстроен внутри древней транспортной системы, которую почему-то называли странным несклоняемым словечком "метро". Лена до сих пор не могла поверить, что эти гигантские помещения были предназначены исключительно для того, чтобы люди могли ездить из одного конца города в другой. Пространство в современной Москве используется гораздо рациональнее. Подвесные конструкции с жилыми номерами занимали значительную часть вестибюлей бывших станций. За порядком тут следили набедокурившие снаружи фуражиры и местная милиция, которую учредили после восстания нижнего города сто лет назад. Оказалось, что люди ведут себя спокойнее, когда думают, что контролируют ситуацию своими силами.

Вопреки ожиданиям Лены, нижний город был хорошо освещён, правда, в отличие от соседей сверху, местным приходилось довольствоваться светодиодами.

– Это для красоты или просто запущено? – спросила Лена, указывая на серо-коричневый плющ, выющийся по стенам тоннеля.

– А хуй его знает, – пожав плечами, ответил Родион.

– Ну а, в целом, как дела?

Нижние – по меньшей мере сто тысяч человек – в основном занимались формированием и обработкой грузов, а также обслуживанием машин, функции которых для многих из них оставались загадкой. Здесь же, уровнем ниже, роботизированные системы культивировали насекомых, производящих белок, фарму и любые другие необходимые городу вещества. Ну конечно, подумала Лена. Посты не захотят видеть, как выглядит основа их потенциального бессмертия. Тараканы...

Как правило жители верхнего города сюда не совались, хотя и имели полное право. Нижним тоже было позволено бывать наверху, но существовала квота. В каждый момент времени в верхней Москве не должно было находиться более двух тысяч исходников, а время пребывания в сияющем граде на холмах было ограничено двумя неделями раз в полгода. Те, кто был не слишком расторопен в бюрократической возне, ждали своей очереди по несколько лет.

Родион был как раз одним из таких людей.

– Я так и не поговорил с Яриком и Пашей с тех пор, как попал сюда, – сетовал он. – Пойди туда, сдай это, подтверди то, распишись там, заручись сям... Пиздец. У меня уже просто крыша едет!

Лена слушала его и кивала. Именно этого она и ждала. Если помочь Родиону, или хотя бы посулить ему помощь, возможно, получится вовлечь его в авантюру. Когда Лена узнала, что тот трудится в отделе поставок, она поблагодарила судьбу. Свой человек в этой структуре позволит ей обнаружить течь в броне полиса. Вода везде найдёт лазейку. Недавно она соблазнила одного глупенького полевого инспектора, который как миленький выложил ей наименования продукции, поставляемой постами в день грузов; всё указывало на дыру в системе снабжения, и она заключила, что в этом должны быть замешаны люди, координирующие разгрузку. Не может быть, что не существует какого-либо подполья, чёрного рынка и способа, которым люди из ОКП обмениваются посылками с предместниками. Слишком много раз она видела в доме отца вещи, которые по всей логике никак не могли там оказаться (одна из таких штук сейчас лежит в её сумке).

Посты ни в чём себе не отказывали. А вот бывшие предместники как раз имели резоны нет-нет, а что-нибудь, да скрысить, чтоб потом продать или обменять. Что нужно предместнику, попавшему в западню нижнего города? Тут наверняка всё, как обычно – вкусная еда и иные удовольствия. Лена была убеждена, что при желании сможет приобрести здесь самую различную запрещёнку. В идеале – незарегистрированное оружие, невидимое для сети. А если этого дерьма ещё не изобрели, она, чёрт побери, сделает это сама!

Родион увёл её подальше от станции в технический тоннель. Зайдя достаточно далеко для того, чтобы не встретить праздно шатающегося работягу, они встали возле допотопной трансформаторной будки.

– Чего тебе? – насупившись, спросил Родион.

– Погоди, – сказала Лена.

Она села прямо на пол, откинувшись на дверь трансформатора, достала из рюкзака тонкую чёрную вуаль и приподняла один её конец.

– Помоги развернуть.

– Чё это?

– Мантия-невидимка, – хихикнув, ответила Лена. – Не всем нравится быть под постоянным наблюдением.

Родион посмотрел на неё так, будто она предлагала ему разорить барсучью нору, но всё же помог ей и присел рядом. Лена накрыла себя и своего спутника, и они целиком оказались под мантией, испускавшей теперь с внутренней стороны лёгкое синее свечение.

– Чего тебе? – повторил Родион.

– Я могу помочь тебе с пропуском наверх.

– И за это ты хочешь...

– Ничего особенного, – сказала Лена. – Я хочу знать, как в предместья попадает контрабанда. То же самое касается и обратных поставок. А ещё, я купила бы что-то особенное. Например, какое-нибудь хитрожопое оружие.

– Пфф, – фыркнул Родион. – Ты не по адресу. Ни хрена я не знаю.

– Так уж ни хрена и не знаешь?

– А почему я должен знать?

– Потому что, насколько я помню, ты ушлый хитрый засранец, вот почему, – ответила Лена.

Родион молчал, но не подавал признаков того, что хочет уйти. Девушка расценила это как сомнение в качестве их маскировки.

– Послушай, я ненавижу этот город, – сказала она, понимая, что если Родион не тот, кем ей кажется, то, скорее всего, придётся убить его прямо здесь. – Я ненавижу его всей душой и хочу, чтобы он рухнул, был взорван, уничтожен до самого своего сраного основания, разобран до последнего винтика. Я ненавижу постов и их стерильный фашистский мирок! Я ненавижу то, чем стала! Я просто, сука, ненавижу их высокомерие и всезнайство. Они убили мою мать и оправдались случайностью! Никчёмные ебанутые твари, по праву рождения получающие все грёбанные блага этого мира! Сколько можно это терпеть? Мы должны открыть врата полисов для всех и каждого! Чтобы таким как ты не приходилось по два года ждать своей очереди, дабы просто встретиться со своей семьёй. Чтобы предместники перестали питаться чем попало. Чтобы технологии были доступны каждому разумному человеку. Ещё ребёнком я решила, что изучу этих мразей и уничтожу этот сраный город изнутри!

Выдав этот чувственный монолог, Лена сразу же использовала регулятор, чтобы прямо сейчас не пойти и не зарезать какого-нибудь заблудшего в нижнем городе поста. Она молчала и копила эти чувства в себе два года и действительно верила в то, что говорила. На всей Земле не было такого человека, который слыша и видя её, смог бы уличить её во лжи.

Родион изумлённо смотрел на неё, не находя слов.

– Что? – спросила Лена.

– Я думаю, что смогу помочь тебе, – прочистив горло, выдал из себя Родион. – Но не раньше, чем ты принесёшь мне разрешение на визит наверх. И я должен знать, что моя семья будет в безопасности.

– Если я стану твоим союзником, то тебе ничего не угрожает, – сказала Лена. – Я могла бы шантажировать тебя, но вместо этого, в знак своей дружбы, я оставлю тебе эту мантию. Она подавляет все виды излучения, кроме радиационного. Если особо не шевелиться, то буквально становишься невидимым. Думаю, твоим соратникам не повредит возможность общаться, не боясь быть услышанными.

Родион, коснувшись рукой слабо светящейся ткани, сказал:

– Да, вещь в хозяйстве, прямо скажем, незаменимая...

– Но ты должен сказать или дать мне хоть что-то, чтобы я понимала, что не трачу своё время и ресурсы впустую,

– Пэ. Пэ-пэ. Пэ-пэ. Пэ...., – пропел, размышляя, Родион. – Чёрт с тобой, шельма, есть у нас тут один интересный прибор...

Глава 5

«А вдруг реальность запрещает истину? Задав этот вопрос, мы оказались подвешены в пустоте, произрастающей из нашей природной неспособности отделить должное от фактического».

(из "Манифеста Механистических Релятивистов")

###

– Смотри, она на тебя сердится! – сказала малютка Лиза, протягивая Наде куклу с оторванной рукой.

– За что?

– А ты не хочешь её чинить!

– Я не могу её починить, потому что ты потеряла её руку!

– Я не теряла!

– А куда она делась?

– Это Быстрик её сгрыз!

– Быстрик?

– Да, собака. Почини, – сказала Лиза и снова настойчивым жестом предложила Наде взять куклу.

Она подчинилась.

– Хорошо. Я что-нибудь придумаю.

– Спаси-иба! – протянула в ответ девочка и, моргнув своими глазами-васильками, убежала.

– Понимаешь, о чём я? – спросил её Петров, закрывая дверь за внучкой.

Он всё ещё не позволял Лизе бывать с Надей наедине, но часто приводил её с собой.

– Спасибо за этот спектакль. В тебе, Борис Михалыч, умер драматург.

Петров воспринял подкол стоически.

– Согласен, – сказал он.

Надя не смогла сдержать улыбку. Это её смутило. Сукин сын играл с ней в открытую, и она словно видела его карты, но всё равно проигрывала. В харизме ему не откажешь.

С ней обращались как с человеком, находящимся на карантине. Жёстко, но не жестоко. Когда Надя истерила, её лишали еды и общения. Когда она объявила голодовку, сукины дети жарили свинину на газовой горелке прямо у неё под дверью. Она сдалась на шестой день. В какой-то момент Надя устала от борьбы и однообразия и решила быть поспокойнее. В течение месяца единственным развлечением для нее было общество её похитителя и его младшей внучки. Потихоньку Надя стала привыкать к ним.

Мать Лизы умерла при родах, а её тётка – младшая дочь Петрова – пропала без вести несколько месяцев назад. Барин по возможности воспитывал внучку сам, а в остальное время за девочкой присматривала Марьяна. В последние дни Петров приносил еду лично и ненавязчиво пытался разузнать что-нибудь о прошлом Нади, попутно рассказывая различные истории из своей жизни.

– Ты когда-нибудь слышала про Гуань Инь? – спросил однажды Борис Михалыч.

– Что-то слышала, – сказала Надя, жуя булку. – Мне тогда было десять лет. Меня тут ещё не было.

– Мне было тридцать три. Я знал её лично, – Петров сказал это с уважением. – Она перешла на сторону предместников. Предала свой народ ради нас. Ты никогда не задумывалась, почему она это сделала?

– А разве твой отец в итоге не предал Гуань Инь?

– Ой, я тебя умоляю! – отмахнулся Петров. – Мой отец поступил в интересах народа. Сейчас бы здесь была выжженная земля, если бы не мой отец.

– Чего же ты тогда так восхищаешься союзником своих врагов?

– Так точно, – сказал барин. – Она не была врагом. Она была именно союзником врага. И логика её поступка была совершенно иная, не такая, как у зажавшихся до полной потери связи с реальностью Кулибиных, и не такая, как у Смирнова и его попрошайек. Первые всерьёз думали, что у пóстов есть какая-то "этика", которая не позволит им вырезать нас под ноль. Переоценили они собственную полезность, так сказать. Вторые же просто считали, что им все вокруг должны. Гуань Инь – она была не за них, понимаешь? Она была за весь наш народ!

– Ваш – это чей? – спросила Надя.

Петров не стал отвечать на этот вопрос.

– В общем, я хочу сказать, что она была за обычных людей, за справедливость.

Надя пожала плечами.

– Все вы за справедливость..., – бросила она.

– Отнюдь, – сказал Петров и сразу же повторил. – Отнюдь...

Какое-то время они посидели молча, каждый думая о своём. Петров прервал молчание первым:

– Сегодня я хочу взять тебя с собой. Поедем на северо-запад. Недавно мы присоединили несколько диких общин к Борисовской губернии. Я должен буду судить там человека. По пути мы собираемся осмотреться на руинах. Взгляд опытного инженера нам не повредит. Что работает, что безнадёжно сломано, что можно починить, а что груды хлама – ты вроде как должна разбираться в таких вещах.

Надя молчала. Она хотела вырваться из этой клетки, но принцип мешал ей принять такое предложение от своего тюремщика.

– Я никуда с вами не поеду, – сказала она. – Лучше состариться в компании твоего родственника.

Надя кивнула на портрет Петрова Первого.

– Что ж, – сказал Борис Михалыч. – Кажется, я сделал всё, что мог.

И он вышел из комнаты, впервые не заперев за собой дверь. Надя боролась с собой. Куда она пойдёт? Начинается зима. В этом домашнем сарафанчике она миглом замёрзнет. Но что её ждёт здесь? Светские беседы при свечах до конца жизни?

Выйдя из комнаты, она очутилась в небольшом коридорчике, заканчивающимся винтовой лестницей. Её комната была на чердаке. Она спустилась на второй этаж и оказалась в просторной гостиной. Лиза играла с куклами, сидя на разноцветных ковриках около сквозной печной трубы. Завидя Надю, девочка сказала:

– А я уж думала, ты никогда не спустишься к нам!

В ответ Надя скованно улыбнулась.

– А где твой дедушка?

– Внизу, сказал, чтоб я тебя поторопила.

– Ну конечно...

– Так что, поторопись! – сказала Лиза, неуклюже вскочила на ноги и начала дурачиться. – Быстрее, быстрее! Он же тебя жди-о-от!

– Ладно, ладно! – подняв обе руки, ответила Надя. – Я иду.

"Я иду", – повторила она про себя и пересекла комнату, шагнув к лестнице, ведущей на первый этаж.

Внизу её ждал Петров.

– Спасибо, – сказал он и указал на сумки. – Выбери себе подходящую одежду. Там есть всё, что нужно, тёплые носки, свитера, джемперы, подштанники, дулая куртка, шапка, перчатки. Вон, зимние ботинки – размер вроде твой. Я подожду снаружи.

Петров вышел в сени и снова не закрыл за собой. Надя услышала, как входную дверь он всё-таки захлопнул – холодно. Она оделась по погоде и вышла вслед за ним. На улице был минус, но снег ещё не выпал. Ещё вчера шёл дождь. Надя прошла по дорожке в сторону калитки, тоже открытой, и наконец оказалась за пределами своей тюрьмы.

Петров стоял около двухместного вездехода, расписанного краской из баллонов и увешанного всяческим хламом, и курил. Вот уж точно – богатый клан!

– Ты можешь бежать, – сказал он. – Я правда не знаю, куда ты побежишь и зачем, но я разрешаю тебе уйти.

Надя молча развернулась к нему боком и пошла вдоль ограды.

– То, что случилось там в лесу было ошибкой! – крикнул ей вслед Борис Михалыч. – Если ты останешься, я дам тебе всё. Ресурсы, свободу передвижения, охрану, подмастерья, всё, что угодно. И ты сможешь уйти в полис в следующее окно. Если же ты уйдёшь сейчас, то я не стану тебя защищать. И пускай тогда родственники Шкобаря сами решают, что с тобой делать.

Надя остановилась. Это пат. Безнадёжная ситуация. Если она уйдёт сейчас, то проиграет... Идти-то и некуда. Но как остаться? Как можно вот так предать память о Стасе и Вите?

– Пожалуйста, не уходи! – услышала она вдруг тоненький голос Лизы.

Она повернулась. Девочка стояла у калитки, утонув в тулупе, который был ей страшно велик. На ногах – дедовские незашнурованные ботинки.

– Ты чего выскочила? – ахнул Петров. – Почему без шапки? А ну-ка, бегом в дом! Бегом, я сказал!

Девочка не слушалась.

– Ты обещала починить мою куклу! – закричала она и расплакалась, прижав свои миниатюрные кулачки к глазам.

– Я скоро вернусь, – сказал Петров и подхватив внучку под руки, унёс её обратно.

Надя стояла, не в силах сдвинуться с места. Когда барин вышел за ограду, она впирила в него свои глаза и спросила:

– Почему так жестоко? Почему послал за мной этих отморозков? Почему не переговоры, как сейчас? Где было твоё змеиное дружелюбие? Что ты вообще, блядь, за человек такой?!

– Ну вот мы и дошли до самой сердцевины этой истории, да? – спросил вдруг Петров уже не так дружелюбно. – Разве ты не знаешь, что твой деверь проиграл в карты членам БЧП гораздо больше, чем у него было? Даже после того, как они забрали его землю и дом, он всё равно остался должен.

– И что? – неуверенно спросила Надя.

– Ладно бы только это, так он ещё и нанёс оскорбление моему младшему брату, между прочим, папе нашего Славика. Помнишь такого? Его ещё Чехманом называют.

– Мразь...

– Да! – согласился Петров. – Отважная мразь, совершению тупоголовая, но целеустремлённая и сдуру способная на настоящий подвиг! Тут сошлись два фактора. Во-первых, вы, к вашему несчастью, попались отряду Славика, а не другим моим ребятам. Во-вторых, ко всеобщему уже сожалению, когда я давал указания относительно вас, я не подозревал о столь тонких нюансах во взаимоотношениях Виталь Степаныча и моего племянника. В общем-то, можно сказать, что твой деверь был в розыске, и вы автоматически поставили себя под удар, связавшись с ним. Я ничего этого не хотел! – он резким движением выкинул окуроч. – Эти ебанаты голову же себе сломают, лишь бы угодить старшему! Понимаешь? Ну?! Что мне теперь, сука, обоссаться что ли, чтобы ты осталась?!

Повисло молчание. Они смотрели друг другу в глаза пару секунд и вдруг рассмеялись. Надя прыснула первая, Петров неуверенно подхватил, и вот они оба стоят и хохочут, как парочка сумасшедших. Когда приступ смеха прошёл, Надя утерев выступившие слёзы, сказала:

– Я ненавижу тебя, Петров. Не могу не ненавидеть...

– Мне твоя любовь даром не далась, Наденька, – ответил Борис Михалыч. – Мне нужны твои мозги.

Надя сделала несколько неуверенных шагов в сторону вездехода и, проходя мимо Петрова, сказала:

– Поехали...

Петров кивнул и сел за руль.

– Значит, на выезде из Борисовки к нам присоединятся две машины сопровождения и грузовик, – деловито сказал он. – Ребята все хорошие у меня, бойцы. Эти места давно вычищены подчистую мародёрами, но вдруг мы что-то пропустили? Заодно навестим парочку общин, соберём дань, свершим суд и посмотрим, что там к чему. У нас тут есть старая карта с обозначениями стратегических объектов и заводов. Бункеры, плотины, электростанции. Там по пути немало было населённых пунктов, так-то. Кое-где даже дома дособытийные стоят. Ну как, дома. Остовы. Ты там бывала?

– Нет.

– М-м. Ну всё равно, если будут идеи, где можно пожить на благо общины, милости прошу, делись, не держи в себе. А то, может нам туда и не надо, а надо куда-нибудь ещё, в более козырное место, м?

– Не знаю, – сказала Надя. – Не галди.

– Угу, угу, – промычал Петров и кивнул, глядя перед собой.

За пределами своей крепости и в окружении вассалов Борис Михалыч несколько преобразился. Грудь колесом, взгляд сосредоточенный, голос повелительный. Он был из тех, кого слушались. Что-то в его повадке, в позе, в том, как уверенно он двигался, заставляло людей хотеть подчиняться ему по собственной доброй воле, хотя он, в общем-то, был не очень крупный мужчина.

Мат Борис Михалыч использовал, как некое супер оружие. Работало безотказно.

– Миш, ты долбоёб, вот признайся мне? Куда ты прёшь? Ты первый раз что ли едешь? Какого хера ты прёшься вперёд? У тебя маневренности нет, гололёд вон, посмотри, блестит дорога, у тебя задний привод. Встань в середину колонны! За мной. И едь, нахуй! Да! И Шеру скажи, чтоб шёл за тобой. А ребята замыкают! – Петров закрывает дверь, через которую только что орал. – Ебану-уться... Простите мой французский. А ты говоришь, гуманистическая миссия! У меня вон, толпа ебанашек на выезде! Поехали!

Он посигналил и махнул рукой, когда колонна, наконец, выстроилась.

– Поехали, говорю!

– Действительно, хорошие ребята, – съязвила Надя.

– Когда надо, они своё дело знают. Это я их так. Для порядка.

– А Чехман тоже с нами едет?

– Слава? Нет, – заверил её Петров. – Понимаешь, Слава – это особый случай. Во-первых, он мой родственник. А во-вторых, у них же, можно сказать, религиозная организация. Их много, с ними надо осторожно... Они верные, но жадные и требовательные.

– Разве не ты лидер БЧП? – удивилась Надя.

– С недавних пор. И не могу сказать, что получаю от этого удовольствие. Не я это начал.

– А кто?

– Видишь ли, мы с братьями все трое от разных матерей. Средний брат – Степан Костолом – о нём ты, безусловно, слышала. Он заведует в Туголесье, по-моему, ты там некоторое время жила неподалёку?

Надя кивнула. О зверствах Костолома по отношению к тем, кто отказывался платить налоги, складывали легенды.

– Суровый он тип, знаю, – сказал Петров. – А мой самый младший брат, Ерёма который помер год назад, унаследовал Барановское. Оно, если помнишь, чуть правее, туда, на северо-восток. Они там производили неплохую пастилу из яблок, ну и хозяйство у них хорошее, мясо было, молоко, соответственно, да так много, что долгое время были на самообеспечении, я только и успевал им помогать с доставкой всего этого добра туда-сюда по разным губерниям. Жили в общем хорошо, все были, что называется, в шоколаде. Только-только восстановили хоть что-то после этого ебанутого, прости господи, набега на Москву. Лет, наверное двенадцать-тринадцать назад. Ну я туда и не совался с советами. Оказалось, в общем, что всё это время Ерёма пестовал среди своих крестьян некий культ Чистой Плоты. Мол, все люди рождены идеальными от природы, и любое вмешательство в замысел Божий грешно и поэтому нежелательно. Известно же, что заставь дурака Богу молиться, так он череп себе пробьёт? Ну и усмотрели местные жители в пóстах всё самое, что ни на есть, демоническое, поминая всем известные события. А потом стали отказываться от удобрений, которые мы получали из Москвы – дьявольские же технологии. Особенно хорошо эти идеи пошли у безотцовщины. Они даже стали называть фуражиров бесами, потому что те, якобы, бессмертные. А Славик был вообще самый ярый служитель культа и всё обещался убить фуражира при встрече. Не удивлюсь, если он-таки преуспел. Некоторых бэчепэшников тогда прилюдно казнили пóсты, что всех только раззадорило, а потом какие-то придурки и вовсе подожгли городские склады с припасами.

– Это я помню, – сказала Надя. – Кстати, зачем?

– Они всерьёз думали, что фуражиры пришли за их жратвой! Понимаешь, что в голове у людей? Я когда об этом всё услышал, понял, что клан мой в опасности. Мне пришлось, грубо говоря, немножко вмешаться в идейную сторону вопроса.

– Каким образом? – спросила Надя.

– Я ратовал за прагматизм. Когда становится нечего жрать, люди слегка отпускают свои идеалы, если только это позволяет им снова начать жрать. Я поощряю их, когда они правильно себя ведут. Стал их покровителем. А когда умер Ерёма, то и предводителем. Но обретя таких сторонников, я конечно, беру на себя риск. Эти ребята порой неистово исполняют.

– Что исполняют?

– Да ничего не исполняют. Выражение такое.

– Понятно.

Долгое время они молчали. Дорога здесь была расчищена, но вся была покрыта трещинами и рытвинами. Чем дальше от Борисовки, тем хуже. Они ехали не быстрее шестидесяти километров в час, объезжая бесконечные ухабы. Надя разглядывала окрестности.

На землю опускалось молоко тумана. Сквозь белую хмарь порой выглядывают гигантские сооружения прошлого, пришедшие в полную негодность. Перекошенные опоры линий электропередачи, с которых давно растащили все провода и цветные металлы, выглядели как скелеты доисторических животных, однажды побеждённых и оставленных здесь, чтобы пугать детей и одиноких путников. Разрушенные градирни со следами от осколков и фугасов больше никогда не выпустят пар в серое небо. Кратеры от падения бомб превратились в овраги и пруды. Дикие животные и птицы куда-то попрятались. А может быть их всех давно съели? Надя никогда не ездила так далеко на север от Москвы. По слухам, места дальше были лютые.

Они прибыли в пути уже около часа, когда Петров снова разорвал тишину своим глубоким баритоном:

– Вот хотел тебя спросить, не знаешь, что это вон там за херня стоит? Чем они там заняты на этой тарелке? Вокруг даже трава не растёт, а охраняют они её чуть ли не строже самой Москвы. Жратву только у нас выменивают на всякое.

Надя посмотрела, куда он показывает и вдалеке на холме увидела гигантскую антенну, направленную в небо.

– Москва запечатана, – сказала она. – Мы своим оружием даже не поцарапаем её корпус. А тут, как ты скажешь, стратегический объект – средство связи с космическим аппаратом, во-о-он там, – она указала пальцем на "Пионер".

– Зачем им такая большая тарелка?

– На "Пионере" всё время живут пóstы. Вахтёры, – объяснила Надя. – Пóstы должны быть связаны с родной сетью, а это просто огромный поток данных. Немыслимый, пожалуй.

– Тогда почему они не подают сигнал напрямую в Москву?

– Как ты заметил, здесь даже растительность пострадала. На этих станциях пóstы живут глубоко под землёй, чтобы не попасть под облучение. Там же сигнал преобразуют и направляют по оптическому каналу в полис. В обратную сторону это работает точно так же. Такие тарелки есть рядом с каждым полисом. Скоро "Пионер" направится к другому городу и эта станция надолго опустеет.

– И откуда ты всё это знаешь? – заговорщически спросил Петров.

– Просто знаю, – ответила Надя.

– Нет, на самом деле.

– Это долгая история.

– А я не тороплюсь, – сказал Петров. – Мы обернёмся только к ночи. Если хочешь, конечно, можем молчать всю дорогу. Или о погоде поговорим?

– Мои родители – пóstы, – зачем-то призналась Надя.

– Так и знал, – сказал Борис Михалыч.

– Ага, конечно.

– Нет, правда. Либо ты одна из них, что вряд ли, судя по твоей кондиции в твои сорок с лишним лет...

– Ну спасибо, поддержал...

– Уж как есть, – отмахнулся Петров и продолжил. – Либо ты их потомок или типа того. Третьего не дано. Ты лучше скажи мне вот, что – почему твои родители ушли из полиса? Это же не Москва была, так?

– Новосибирск, – сказала Надя.

– Ну и зачем пóсту бежать из своей стальной пещеры? Что им там не понравилось?

– Тебе не понять, Петров. Это история любви.

– Почему же? – искренне спросил Борис Михалыч. – Я знал любовь. Однажды...

Надя посмотрела на него сбоку и увидела, как вокруг его глаз скопились горестные морщины. Он старался не смотреть на неё.

– В полисах нельзя рожать детей обычным способом.

– Как же они, блядь, размножаются? Как микробы? Почкованием? – Петрова аж всего передёрнуло от этой мысли.

– Каждый пóst имеет право оставить после себя одного потомка. Рост популяции в закрытом городе, населённом людьми, живущими по триста с хреном лет – это огромная проблема.

– Ну надо думать, так и есть..., – обронил Михалыч.

– Они берут свои гены и смешивают с чужими в пробирке. Отбираются самые жизнеспособные варианты, штуки три-четыре, и из них начинают выращивать человека в искусственной матке. До рождения доходит только один.

– А остальные?

– Грубо говоря – в компост...

– Сатанизм! – ужаснулся Петров.

– Ну... Прагматизм, Борис Михалыч. Всё, как ты любишь. Один человек – один наследник. При этом, если ты решаешь оставить после себя потомство, ты должен уйти из жизни, когда отпрыск достигает шестидесятилетнего возраста.

– И многие так делают?

– Далеко не все, поэтому город постоянно и цапает себе предместников. Большинство пбстов откладывает этот момент до последнего. Правда, после достижения двухсот пятидесятилетнего рубежа, размножение запрещается. Но клетки могут взять в хранилище, чтобы потом использовать для смешения, и многим этого вполне хватает.

– И что? Твоя мама забеременела?

– Да. Они с папой решили, что оставят ребёнка, и убежали из города ещё до моего рождения, которое им никто бы не разрешил.

– И что стало с ними потом?

– Их убили, когда мне было семнадцать. В Новосибирских предместьях... другие порядки. Люди заметили, что родители не стареют, начали задавать вопросы. А потом.... "Здесь жизни нет", – такими вот были последние слова моего отца. Я чудом избежала их участи и без сожаления свалила оттуда. Работала на фермах, какое-то время путешествовала с бродячей бандой, попала в хорошие руки. Видела целые города, возведённые исходниками в нейтральных землях. Много было всякого, в основном жуткого. Там, как выяснилось, тоже жизни нет. Тогда я решила, что однажды стану пбстом, и приехала в московские предместья. И встретила Колю. Он был грубый, сильный, но красивый и сообразительный. Я забеременела и осталась жить у него на ферме. Родился Стас. Пять лет всё было хорошо. Пять лет я думала, что возможно даже смогу жить, как все... А потом кто-то из твоих людей оклеветал Колю. Он совершил ужасную ошибку – и пбсты его убили.

Петров цыкнул языком.

– Коля, Коля..., – пробормотал он. – Коля Жаворонок?

– Он самый.

– Я что-то такое припоминаю, – сказал Борис Михалыч. – Но детали как-то рассосались в памяти. Приедем, я уточню это. Говоришь, оклеветали? Кто?

– Некто Грабовский.

– А! Так это Ерёмы был счетовод. Пропал он без вести, как говорили. Ну его и не искали особо. Дерьмо был человек.

– Мне сказали, что в этом виноват Петров.

– Ерёма и есть Петров. То есть, был.

Надя промолчала.

– Это был не я, – сказал Борис Михалыч. – Клянусь тебе всем, что у меня есть.

– Клянётся он...

Петров пожал плечами.

– Говорю, как есть.

###

Они прибыли в Новую Фирсановку к обеду. Туман улёгся, выглянуло скупое белое солнце. В воздухе запахло особой зимней свежестью. Природа готовилась впасть в спячку.

Поселение было огорожено бревенчатой стеной. С юга и севера его прикрывали непроходимые болота, а с восточной стороны проточное озеро служило естественной преградой. Попасть внутрь можно было только через главные ворота.

Здесь в основном жили рыбаки и фермеры. Свиной, коз и кур содержали прямо в посёлке. Поля за пределами городских стен обрабатывали совместно, урожай и заморозку хранили на общем складе. Всего в округе жило не более тысячи человек. Все друг друга знали, что по своему служило залогом спокойной жизни.

Колонну встретили радушно. Петрова здесь знали и уважали. Он и его бойцы навсегда защитили деревню от постоянных набегов одичалых из Старого Леса, истребив несчастных при помощи автоматического оружия и возведя на въезде в поселение эту самую бревенчатую стену. С тех пор жители Фирсановки добровольно платили барину дань, а кроме того, обязались соблюдать закон, установленный Петровым.

Когда припарковали машины, местные проводили гостей в одноэтажный кирпичный дом собраний, усадили там за длинный составной стол и накормили досыта.

– Сыр с местной сыроварни, – сказала старая Вера. – Фирсановы в этом деле знатоки. Хлеб у нас тоже свой. Всё своё.

– Спасибо, очень вкусно, – сказала Надя.

– Не за что, моя хорошая, – ласково говорила старуха. – Ешь, ешь. Это самое... Вон, яичко съешь всмятку. Знаешь, как говорится? Мал золотник, да добр!

Надя вежливо отказалась.

– Самую силу оставила, – пробурчала Вера. – Как хочешь. Проголодаешься ещё, вспомнишь меня.

– Чего пристала к бабе? – покровительственно сказал Петров. – Сыта она. Давай лучше рассказывай, что у вас тут. Гонца я твоего с собой привёз. Но он что-то туговат, в деталях ясности мне не дал, так что рассказывай всё сызнава сама, заодно мои ребята послушают.

Ребята – восемь вооружённых до зубов человек сопровождения, два дальнбоя и посланник старой Веры, который, кажется, быстро нашёл с мужиками общий язык – все как один перестали болтать и приготовились слушать. Охрана старухи стояла на почтительном расстоянии от стола, также храня молчание.

– Ну значит, это самое, – отложив пучок зелёного лука, сказала она. – Был у нас кузнец. Большой талант. Оградки делал, инструмент всякий починял. В прошлом году зимой его пьяного в лесу нашли, голого совсем. В общем, занемог бедолага и отдал Богу душу. Хвала небесам, у него подмастерьем был сын, значит, Алёша. Парень толковый, дело отца своего уважает и умело обращается с его кузней. Незаменимый, в общем, кадр. Да вот незадача, на прошлой неделе он взял дочь нашего табунщика силой.

– Избил? – спросил Петров.

– Это вы у неё самой спросите, если получится, – отмахнулась старая Вера. – Она вся в слезах, на люди не выходит. Видать, понесла она от него. Теперь ей либо с ним семью делать, либо байстрюка рожать. Говорит, что лучше уж с собой покончить. Мы её поддерживаем, как можем. Ну а он, в смысле, Алёша ничего не скрывает, зовёт бабу замуж. Ей ажно семнадцать уже. Лично я не против такого расклада, поерепенится кобылка, да сообразит, что лучше ей партии не сыскать. Годы не такое лечат, а тут она ещё сама своего счастья не поняла по неопытности своей. Но ты, Борис Михалыч, просил о таких вещах сообщать, поэтому я и говорю.

Слыша это, Надя медленно теряла дар речи.

– Угу, – выдавил из себя Петров. – Ясно, что ничего не ясно. Скажи, вы оброк отгрузили?

– Да, – откликнулся один из ребят.

– Хорошо, – сказал барин и обратился к Вере. – Вели привести его сюда, Алёшу этого.

Вера кивнула своей охране, и те вышли из здания. Их не было несколько минут, но Наде это ожидание показалось слишком уж долгим. Она ёрзала на стуле в тщетных попытках болезненно уложить внутри себя этот опыт.

– Всё в порядке? – спросил её Петров.

Надя не стала отвечать.

Борис Михалыч не стал переспрашивать, а вместо этого закурил. Вскоре привели виновника торжества. Это был крупный парень, лет двадцати двух, бородатый, отчего казался старше своих лет, но его выдавал цвет кожи, а ещё глаза – наивные огоньки, парящие во мраке невежества.

– Сколько тебе лет? – спросил Петров, когда предполагаемого насильника поставили перед ним на колени.

Они так и остались сидеть за обеденным столом. Борис Михалыч просто развернул свой стул и сел спиной к явствам.

– Двадцать три, – сказал Алёша.

– Любишь, говоришь, подружку свою?

– Люблю! – почти крикнул Алёша. – Без памяти!

– Скажи мне, а себе ты нравишься? Любишь себя родимого?

– Барин?

– Отвечай! – гаркнул Петров.

Алёша чуть расправил плечи.

– Ну да.

– Какого цвета у тебя глаза?

– Серые.

– Какая у тебя любимая жратва?

– Ну курочка жареная... С картошечкой.

– Ага, понятно. Ну а чай ты любишь какой – с сахаром или без?

– С сахаром...

Люди замерли в ожидании. Куда клонит барин? Петров, тем временем, продолжал свой вопрос.

– Кто больше нравятся, кошки или собаки? – продолжал допытываться он.

– Собаки.

– Конечно, а как же. И вот ещё – сидр или пиво?

– Ну сидр, – ответил Алёша, слегка осмелев. – А что, будет сидр?

– Не знаю, – сказал Петров. – Это зависит от того, как ты мне ответишь на оставшиеся вопросы. Ну как, ты готов?

– Ага.

– Какого цвета у неё глаза?

– У кого? – удивился парень.

– Эх ты! – сказал Петров. – Аль-лёша!

– А, у Светки-то..., – сообразил парень. – Ну, серые... Вроде бы...

Петров вопросительно посмотрел на старую Веру.

– Угадал?

Та отрицательно покачала головой.

– Карие... Ну и что с того?

– Ну..., – сказал Петров и развёл руками в воздухе. – Это залёт, Алёша. Скажи мне, ты её бил?

– Ничё я её не бил!

– Ответишь за базар?

– М? – промычал Алёша.

– Хули, м-м? – набычился Петров. – Я спрашиваю, ответишь за базар? Это самый важный момент в твоей жизни, долбоёб! Подумай хорошенько, ты её бил?

Двое ребят схватили Алёшу с обеих сторон, когда тот попытался встать.

– Я не знаю!

Петров расхохотался так, что его люди за столом вздрогнули. Он встал со стула и сказал:

– Вера! Отведи меня к Светочке, посмотрим на неё. Остальные – ждите здесь.

– Туда нельзя, барин, ты уж извини. Женская половина дома. Это правило нельзя нарушать! – сказав это, Вера перекрестилась.

– Так и знал! Тогда води её сюда!

– Не пойдёт! Убьётся и других убьёт, пока мы её сюда притащим! Пощади моих девочек, Борис Михалыч!

Петров мрачнел на глазах.

– Тогда скажи мне ты, старая, бил он её или нет?

– Я не знаю, – отмахнулась Вера. – И говорить не могу. Я свечку не держала над ними. На ней сейчас места живого нет, потому что она без конца себя истязает. Как понять, его это рук дело, или девка с ума сходит?

– Ты что, издеваться надо мной вздумала?

– Я поговорю с ней, – сказала Надя.

Все в помещении замолчали. Петров расцвёл улыбкой победителя.

– Прекрасно. Идите, мы подождём вас здесь. Мы же уважаем местные традиции!

Свету содержали в соседнем здании – избе старой Веры. В общей половине дома атмосфера была угловатой, суетливой и мрачной. В женской же его части интерьер был наполнен мягкими и спокойными тонами. Стены и потолки украшали светлые ткани, повсюду была расставлена мягкая мебель.

Света сидела в кресле у окна и смотрела в пустоту перед собой. Расцарапанные руки она держала у себя на животе, сжав в кулак ткань просторного платья.

– К тебе пришли, – сказала старая Вера. – Смотри, думай, что говоришь!

– Можете нас оставить? – попросила Надя.

Брови Светы взметнулись.

– Света сейчас не в себе, – сказала старуха.

Надя только сейчас поняла, что под мешковатой одеждой Вера скрывала хоть и пожилое, но сильное и здоровое тело.

– Она может тебе навредить, – продолжала та.

– Я так не думаю, – сказала Надя. – Вы больше ничего не хотите мне сказать?

Старая Вера хмыкнула и вышла из комнаты. Надя сделала несколько осторожных шагов по направлению к жертве насилия. Она уже видела такое. Её лучшую подругу изнасиловали мародёры, когда им было по семнадцать лет. Это произошло сразу после смерти её родителей. Надя сбежала и смогла спастись. Видимо, лучше всего ей в этой жизни даётся убегать...

– Ответь мне только на один вопрос, – попросила Надя. – Он тебя бил?

Света развернулась к гостье лицом и широко улыбнулась. В верхнем ряду одного из передних зубов не хватало, а второй был наискосок отколот. Губы слегка опухшие, на нижней краснеет заживающий кровоподтёк.

– Что вы! Как можно? – сказала дрогнувшим голосом Света. – Он любил меня, а я его не так поняла!

Что-то внутри Нади разорвалось подобно ядерной бомбе. На выходе из женской части избы она столкнулась с Верой и, оставив куртку висеть в коридоре, выбежала на улицу. Там у входа в зал собраний стоял и курил Петров. Поселенцы прознали про суд, разбились на парочки и троицы и кружили вокруг дома собраний, болтая и порой заглядывая внутрь через окна. Около главного входа дежурили вооружённые борисовцы и никого внутрь не пускали.

Петрову хватило одного взгляда на Надю, чтобы понять, что к чему. Он выбросил окурок и, не дожидаясь её, пошёл в дом собраний. Она последовала за ним, но не успела зайти внутрь, потому что тот выволок её навстречу Алёшу, подгоняя того пинками и угрожая ему пистолетом. Надя сделала несколько шагов назад и пропустила их.

– На колени! – крикнул Петров.

– Ты чего, Михалыч, задумал? – огрызнулась старая Вера.

– Заткнись, старая, а не то мои люди тебя пристрелят за соучастие!

– Ошибку делаешь, дедушка! – не унимается она.

Петров делает знак своим людям и Веру берут под руки.

– Жители Фирсановки! – громогласно объявляет Борис Михалыч. – Слушайте сами – и расскажите потом остальным, что Алёша – сын местного кузнеца – изнасиловал дочь табунщика, чем опозорил свой род и племя, и за что мной, Петровым Старшим, он был приговорён к смерти. Поганный выстирок взял силой и избил святую невинность, а потом врал мне в лицо! Только одичалые насилуют своих девок и врут старшим! Ну давай, Алёша! Твои последние слова?

Алёша молчал, искренне не веря, что всё это с ним происходит.

– Можно и так, – сказал Петров и выстрелил ему в лицо.

Массивная пуля снесла физиономию Алёши, обнажив красно-серое содержание его черепа. Тело насильника рухнуло на землю бессмысленной грудой мяса.

– Изверг! – закричала старая Вера. – Зачем же так делать?! Кровинушку мою...

По приказу Петрова её заперли в одной из машин сопровождения, где он потом долго с ней о чём-то разговаривал. Когда они вышли из машины, Вера выглядела побеждённой.

– Закон! – прокричал Петров перед выездом. – Закон един для всех! Только одичалые насилуют своих девок! А этот ещё и осмелился врать мне – своему барину! Поделом!

– Поделом! – согласились несколько зевак.

Напоследок Петров заверил местных, что новый кузнец прибудет уже завтра, после чего угостил их продуктами из собранного с них же оброка, за что все ему были благодарны.

Они вернулись в Борисовку поздно ночью, посетив ещё две общины. Нигде однако, не происходило ничего столь же примечательного. Идею с исследованием руин пришлось отложить. Надя предложила сначала съездить на её старый секретный схрон в Раменках. Со своими инструментами она сможет сделать гораздо больше. Один только атлас, которого у неё хранилось в избытке, откроет им многие и многие двери. Но путь был неблизкий, и это дело решили оставить на другой день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.